Третья
жатва
А.М. Сунгурский
18+

А.М. Сунгурский
Третья жатва

https://litres.ru/74694004
SelfPub; 2026

Аннотация

Нина Чередова знает: на убранном поле не может за ночь созреть новая пшеница. Но колосья стоят перед ней, а хозяйство у Юрьевца едва сводит концы с концами. Нина соглашается принять необъяснимый урожай — и впервые за много лет чувствует, что всё сделала правильно.

Теперь в домах пахнет свежим хлебом. Люди возвращаются к работе, строят планы, благодарят Нину. Только по ночам кто-то выходит из дома и направляется к полю. А обычная еда почему-то больше не насыщает.

Нине нужно убедить людей отказаться от дара, который она сама помогла принять. Но как остановить чужую зависимость, если тебя уже тянет к тому же полю?

Содержание

Глава 1. Срез 4
Глава 2. Чужая работа 18
Глава 3. Отдельный склад 37
Глава 4. Пробный помол 55
Глава 5. До расчёта 71
Глава 6. Имена на бумаге 87
Глава 7. Тёплый хлеб 99
Конец ознакомительного фрагмента. 111

А.М. Сунгурский
Третья жатва

Глава 1. Срез

Последнюю полосу пшеницы Нина велела оставить до утра.

Комбайн стоял у верхнего края шестого поля. Из раскрытого ограждения торчали Данилины локти; сам механик сидел на корточках, и Нина видела только его спину. Двигатель давно заглушили. Без привычного гула стало слышно, как внизу, у сырой ложбины, стрекочет что-то мелкое и упрямое.

— Завтра его увезут, — сказал Ефим.

Он говорил о комбайне так, будто машина уже принадлежала другому хозяйству. Вообще-то она всё ещё была их, с облезшей надписью «Складчина» на боку. Но деталь, без которой Данила не позволял продолжать работу, была чужая, топливо куплено в долг, а человек, согласившийся подождать оплаты ремонта до уборки, сегодня напомнил, что уборка заканчивается. В счёт этого долга Ефим обещал на несколько дней дать комбайн соседнему хозяйству и уже дважды переносил отправку.

— Завтра с утра Данила доделает, — сказала Нина. — Здесь осталось немного.

— Нам теперь везде немного осталось.

Ефим носил чистую рубашку, хотя за день трижды приезжал на поле. На локте темнело аккуратное серое пятно. Нина уже давно заметила: если он начинал беречь одежду, значит, после них собирался ещё к кому-то за деньгами.

Данила вылез из-под ограждения. Поднял небольшую металлическую пластину, повернул к свету.

— Я не говорил «завтра». Я сказал: пока не поставлю нормально, не заводить.

— И сколько тебе?

— Если перестанете спрашивать, узнаем раньше.

Ефим отвернулся к полю. Нина присела за колесом, подняла с земли несколько зёрен. Прокатала на ладони, вынула кусочек соломы. За последние недели она делала это сотни раз, и пальцы действовали сами: найти, отделить, оценить. Отдельное зерно всегда казалось значительнее общей цифры, которую потом приходилось произносить в конторе. В цифре исчезало всё, кроме того, чего опять не хватило.

— Вера подходила? — спросил Ефим.

Нина высыпала зёрна в карман куртки.

— Подходила.

— Про крышу?

— Про зарплату. Крыша у неё своя.

— Я и говорю, про крышу.

Нина встала. У поля появился Борисов грузовик. Он шёл медленно, объезжая выбоины; в кузове стоял тёмный доща-

тый ящик, который Нина прежде не видела. Борис остановился, высунулся в окно.

— Веру вам выгрузить?

Из кабины донеслось:

— Я сама выгружусь. Ты уже кружку мне выгрузил.

Борис улыбнулся и исчез. С другой стороны спустилась Вера Окунева. В одной руке она держала пакет, другой цеплялась за поручень. На голове у неё был светлый платок, завязанный назад; из-под него выбивались короткие волосы. Нина привыкла видеть Веру за зерноочисткой, в шуме и пыли, и на открытом поле та казалась непривычно маленькой.

— Ручку отбил, — сообщила Вера, подходя. — Кружка целая. Хорошая была ручка, вся ладонь помещалась.

Она поставила пакет на поддон, лежавший возле жёлтого штыря. Средняя доска поддона была сломана. Нина подставила под пакет ладонь, пока Вера не переставила его на целый угол.

В пакете оказались термос и пластиковая коробка с пирожками. Вера разложила на доске чистое полотенце. Двух кружек не хватало. Борис принёс из кабины большую кружку с отбитой ручкой и маленькую крышку от другого термоса.

— С капустой, — сказала Вера. — Рада вчера отдала. У неё заказ сняли, девать некуда. Я подогрела.

Ефим взял пирожок первым. Прежде чем откусить, посмотрел на начинку.

— Хорошие.

— Ты ещё не ел.

— Я вижу.

Данила не подошёл. Нина оставила ему два пирожка в крышке коробки, отнесла к боковому колесу. Он лежал на расстеленной куртке и тянулся за инструментом, которого не мог достать. Нина пододвинула ключ. Механик не глядя взял его.

— Есть принесли.

— Вижу.

— Ты не видишь. Ты под машиной.

Он высунул голову.

— Запах есть. Значит, принесли.

Нина поставила крышку на перевёрнутое ведро. У Данилы над бровью была чёрная полоска, а под ухом прилип кусочек сухой травы. Ей захотелось снять его. Она наклонилась, потом вместо этого поправила крышку, хотя та стояла ровно.

Данила заметил. Ничего не сказал и снова ушёл под ограждение.

Возле поддона Вера уже говорила о деньгах. Она держала кружку с остывшим чаем обеими руками и смотрела на Ефима снизу вверх.

— Мне в субботу привезут. Люди другим откажут, если я скажу, что беру. Я не могу им каждую неделю объяснять ваше хозяйство.

— Не наше, а твоё тоже.

— Тогда тем более объясни мне.

Борис откусил пирожок и отошёл к грузовику. Нина осталась. Ей было неудобно слышать разговор; ещё неудобнее было уйти и дать Ефиму сделать вид, что всё это только Верин частный вопрос.

— Мы сейчас доснимем, сведём, — сказал он. — Я ни от кого не прячусь.

— Так и я не прячусь. Вот стою.

Вера протянула ему кружку. Он взял, не понимая зачем. Она достала из кармана сложенный листок, развернула. На бумаге была запись от руки: сколько материалов, сколько за привоз, сколько людям за работу. Край размок и порвался на сгибе.

— Мне не всё надо, — сказала Вера. — Мне то, что ты в августе обещал. Остальное я откладывала.

Ефим не смотрел на бумагу.

— Завтра будет понятнее.

Вера некоторое время держала листок перед ним. Потом сложила и убрала в карман.

— Завтра дождь тоже будет понятнее.

Она забрала кружку, вылила остатки чая в траву. Нина внезапно рассердилась на эту маленькую лужицу. Чай можно было допить; можно было дать кому-то. Он пропадал здесь на виду, пока они все говорили о нехватке.

Она понимала, что сердится не на чай.

Из-под комбайна вышел Данила. В руках у него была снятая пластина. Он положил её в ящик, закрыл крышку, подо-

шёл к ведру и взял пирожок.

— Готово? — спросил Ефим.

Данила прожевал.

— Сейчас проверим. Потом скажу.

Нина пошла с ним. Ефим остался возле Веры, и они наконец заговорили тише, без слов о том, чьё хозяйство.

Проверка заняла больше времени, чем Нина надеялась. Вечернее солнце ушло за низкую полосу облаков, на пшеницу легла ровная тень. Данила попросил Бориса подняться в кабину, сам стоял сбоку и слушал. Два раза велел остановить, один раз снова открыл ограждение, дождавшись полной неподвижности. Никто больше не спрашивал, сколько осталось.

Когда он выпрямился, Нина сама посмотрела на последнюю полосу.

— Доберём, — сказала она.

Данила кивнул. Теперь он разрешал.

Комбайн пошёл к нижнему краю. Нина шагала по уже скошенному, следя, чтобы Борис не взял слишком близко к сырой ложбине. Ефим уехал: человеку в чистой рубашке ещё нужно было успеть к чужому ужину. Вера собрала посуду и осталась у дороги. Иногда она поднимала руку, отгоняя мошку от лица.

Последние колосья легли перед машиной. Нина остановилась у жёлтого штыря. Отсюда было видно почти всё шестое: неровную серую стерню, следы колёс, тёмный край кустов

внизу. Она хотела испытать облегчение. Восемь лет ждала его после каждой уборки и каждый раз обнаруживала, что работа заканчивается раньше тревоги.

Когда Борис вернулся, свет уже слабел. Они стояли возле колеса, и Нина принимала у него небольшой пакет с последней пробой. На пакете она написала дату и номер поля, потом перечеркнула кривую шестёрку и написала заново.

— Отвезу Веру, — сказал Борис. — Ты едешь?

— Я на своей.

— Я не про машину. Ты домой едешь?

— Поеду.

Он посмотрел на неё с доброй недоверчивостью. Людям Борис верил охотнее, чем их обещаниям отдохнуть.

Данила поднял ведро, на котором лежали пирожки. Внутри оказался старый чек и несколько шайб. Шайбы он высыпал себе в ладонь, чек оставил.

— Завтра утром здесь буду, — сказал он Нине. — Надо забрать из бокса домкрат, а дальше к соседям. До вечера.

Она поняла, что он предлагает: можно встретиться, пока оба здесь. Или просто сообщает о работе. Раньше Нина спрашивала бы. Теперь ей казалось, что взрослому человеку следует уметь различать такие вещи самостоятельно.

— Я тоже утром, — ответила она.

Он поставил ведро ей в багажник: её ведро, просто давно ездило у него. Затем поднял коробку с инструментом и пошёл к своему фургону.

Нина задержалась, чтобы убрать пакет с пробой в салон. Когда выпрямилась, на поле никого не было. Вера уже сидела в грузовике, Борис застёгивал ремень. Свет его фар скользнул по стерне и выхватил короткие срезы, белёсые на тёмной земле.

Нина смотрела на них, пока машина не повернула.

* * *

Утром она заметила поле, когда наклонилась за крышкой термоса. Крышка укатилась под колесо, и, выпрямляясь, Нина увидела над капотом жёлтую полосу.

Она ещё держала в руке крышку. На резьбу налип песок, который теперь попадёт в чай; эта неприятность почему-то не исчезла, когда Нина поняла, что смотрит на пшеницу.

На шестом стоял хлеб.

Она обошла машину. От обочины до нижних кустов тянулись зрелые колосья. Там, где вчера прошёл комбайн, новые стебли были гуще, чем на оставленной до вечера полосе. У сырой ложбины лежала тень. Над ней чуть качались тяжёлые верхушки, и знакомое движение помогало смотреть: хлеб двигался так, как ему полагалось.

Нина вынула из салона пакет. Вчерашняя проба была внутри, на плёнке — исправленная шестёрка. Она прочла дату. Повернула пакет, будто с другой стороны могло обнаружиться объяснение.

Телефон лежал на пассажирском сиденье. Нина положила крышку в подстаканник, взяла телефон и набрала Данилу.

— Ты где?

— В боксе. Если про деньги, то не я тебе звонил.

— Приезжай на шестое.

— Что там?

Она посмотрела на колосья. Можно было сказать «не знаю», но это оказалось бы неправдой: она знала ровно настолько, чтобы не суметь произнести.

— Пшеница стоит.

Он помолчал.

— Нина, мы вчера до темноты её молотили.

— Я тоже там была.

— Ты точно у штыря?

Она подошла к обочине. Жёлтый штырь был на месте, позади него лежал разбитый поддон. Среднюю доску Нина сломала каблуком ещё в июле и с тех пор каждый раз вспоминала, что надо убрать. Та же дыра, та же щепка поперёк. Вчера на целом углу лежали пирожки. Теперь рядом рос хлеб.

— Да. Приезжай.

Она убрала телефон в нагрудный карман и пошла к первому ряду.

Когда присела, трава примялась под коленом, в голенище набралась холодная роса. Колос был обычный на вид — тяжёлый, немного согнутый, с тугими зёрнами. Нина протянула пальцы и остановилась, не дотронувшись. Потом всё-та-

ки взяла стебель ниже листа. Он был сухим и живым сразу. Растение не вынималось из земли.

Она раздвинула соседние стебли.

Внизу сохранился вчерашний срез. Короткая соломенная трубка, смятая ножом, выходила из той же земли в двух пальцах от нового стебля. Нина просунула ноготь в разлохмаченный край. Срез не осыпался.

Она стала искать другие. Отвела рукой пучок пшеницы, наклонилась ниже. Срезы шли рядом, не в правильном ряду, но примерно на одной высоте: как прошёл нож над неровной землёй. Между ними стояли новые взрослые растения. Нина села прямо на траву, чтобы не упасть от неудобной позы, и смотрела на полую соломинку перед собой.

Падалица дала бы всходы. У них были бы листья, потом другие листья, потом ещё дни, которые нельзя сложить в одну ночь. Нина знала это не потому, что хорошо училась. Она знала телом: сколько раз выходила на поле, пока оно становилось другим, сколько раз ждала, когда можно будет снова что-то увидеть. Здесь времени не было. Оно исчезло из растений, оставив готовое зерно.

Она достала телефон, включила камеру. Сняла поле, штырь, поддон; затем положила рядом с двумя стеблями ключ от машины, чтобы на снимке был размер. Ключ провалился между комочками почвы. Нина выругалась, подняла его и пересняла.

На фотографиях получилось поле пшеницы. Миллион

совершенно возможных полей. Чтобы кому-то доказать остальное, понадобятся вчерашние люди, вчерашние пакеты, следы колёс, всё, что они обычно не замечали после окончания работы.

Она поднялась и пошла к машине. В багажнике лежала короткая лопатка, которую Нина держала на случай грязи; под ней — старые рабочие перчатки. Рядом стояло возвращённое Данилой ведро. Нина посмотрела на эти вещи, радуясь, что хотя бы их назначение не изменилось за ночь.

Данила приехал без куртки, в тёмном свитере с вытертыми локтями. Остановил старый фургон не сразу: прокатился вдоль края, будто искал правильный въезд. Вышел и остался у открытой дверцы.

— Покажи вчерашнее, — сказал он.

Нина повела его к поддону. Он шёл медленнее обычного, старательно ставя ноги на обочину.

— Вот.

Она присела, указала на короткий стебель. Данила опустился рядом. Осторожно взял новый колос за середину, поднёс к лицу. Не сорвал.

Долго молчал. Потом выпустил колос и выпрямился.

— Не может быть.

Нина ждала, что он спросит про дорогу, поле, вчерашний день. Он ничего не спрашивал. Это почему-то помогло больше, чем готовое объяснение.

— Это кто-нибудь видел до тебя? — наконец произнёс он.

— Не знаю.

— Ефим?

— Я ещё не звонила.

Данила посмотрел на неё. В другом случае она решила бы, что ему приятно быть первым, кого позвали. Сейчас он, кажется, хотел, чтобы здесь уже был кто-нибудь третий. Человек, который увидит то же самое и возьмёт на себя хотя бы часть необходимости это помнить.

Нина надела перчатки и вдавила лопатку в землю. Под тонкой коркой лезвие остановилось. Она качнула его из стороны в сторону.

— Дай, — сказал Данила.

— Не надо ломать. Мне с корнем.

— Я вижу.

Он не взял лопатку. Держал стебли в стороне, пока она расширяла ямку. На внутренней стенке проступила белёсая плёнка. Нина коснулась её перчаткой; плёнка прогнулась и вернулась на место.

— Грибница? — спросил Данила.

— Не знаю.

Нина отложила лопатку, сняла одну перчатку и сфотографировала плёнку. Потом вернула перчатку на руку и продолжила. Она делала всё медленнее, чем следовало бы для такой маленькой ямки. Пыталась сохранить вместе два стебля — вчерашний срез и нынешний колос. Если вытащить только новый, получится ещё одно совершенно возможное рас-

тение.

Данила принёс ведро. На дне лежал оставленный им чек; Нина вынула его прежде, чем они опустили ком. Колос качнулся над ручкой. Короткий срезанный стебель остался рядом с ним.

Они отнесли ведро в багажник, поставили на резиновый коврик. Нина подписала на пакете: «Шестое, утро, край у штыря», надела пустой пакет сверху на колос и осторожно стянула ниже, не ломая стебель. В багажнике пахло влажной землёй и нагретой резиной.

Данила не закрывал дверцу.

— Убирать будешь?

Нина посмотрела на поле. Взгляд сам складывал стебли в массу, массу в машину, машину в расчёт с людьми. Пришлось усилием остановить это считывание.

— Сначала узнать, что это.

— А если не узнаешь?

Она вынула ключ из замка багажника. Протёрла землёй испачканный кончик о перчатку и только потом заметила, что делает его ещё грязнее.

— Пока сюда никого. И никуда отсюда ничего.

— Кроме твоего ведра.

— Кроме пробы. Она останется у меня.

Он закрыл багажник. По дороге проехала легковая машина, водитель не остановился. Нина проводила её взглядом: кому-то это поле казалось обычным продолжением утра.

Данила развернул фургон поперёк въезда. Из бардачка достал красную тряпку, привязал к ручке двери, чтобы машину лучше видели с поворота. Нина набрала Ефима.

Пока шли гудки, она вспомнила Верин листок, сложенный вчетверо, и маленькую лужу вылитого чая. Потом снова посмотрела на колосья.

Ей захотелось, чтобы Ефим сказал: значит, твоя работа всё-таки чего-то стоила.

Он снял трубку.

— Что у нас опять?

— Приезжайте на шестое, — сказала Нина. — И никого пока сюда не посылайте.

Глава 2. Чужая работа

Ефим приехал в той же рубашке. За ночь серое пятно на локте потемнело и получило чёткий край.

Он вышел из машины, прошёл мимо Нины и остановился у поддона. Фургон Данилы мешал разглядеть нижнюю часть поля. Ефим обошёл его, не попросив переставить, и долго смотрел на пшеницу. Потом повернулся туда, откуда приехал.

— Вчера от последней полосы сколько было? — спросил он.

— Убрали всё, — сказала Нина.

— Я спрашиваю, сколько.

Она ответила. Ефим кивнул, словно получил нужное для расчёта. Но дальше не стал считать. Провёл ладонью по волосам, поправляя их со лба, хотя ветер дул ему в спину.

— Ты сама видела конец?

— Да.

— Борис?

— Он убирал. Вера ждала. Данила всё это время был здесь.

— Где машина?

Нина показала на верхнюю площадку, скрытую за поворотом дороги. Комбайн остался там с вечера; утром она проехала мимо и не остановилась. Ефим пошёл к нему. Нина

двинулась следом, но Данила тронул её за локоть.

— Пусть посмотрит.

— Что он там найдёт?

— Комбайн. Ты на пакет смотрела.

Нина осталась возле фургона. Данила выпустил её локоть, прислонился к дверце. Он уже должен был ехать на другую работу. Нина хотела напомнить и не напоминала.

Ефим вернулся через несколько минут. На ладони у него лежали соломенные крошки. Подходя, он растирал их большим пальцем.

— Звонила кому-нибудь?

— Только вам и Даниле.

— Почему не сразу мне?

Нина посмотрела на Данилу. Тот разглядывал свою красную тряпку, привязанную к ручке. Вопрос был обыкновенный, и от этого пришлось усилием удержаться от обыкновенной ссоры.

— Сейчас покажу корни.

Она открыла багажник. Ефим нагнулся над ведром, отодвинул пакет с колоса. Нина придержала его руку.

— Пожалуйста, не трогайте пока. Я взяла так, чтобы старый срез остался рядом.

Он посмотрел на её пальцы на своём запястье. Она убрала руку и показала две фотографии: общий вид, затем ямку. На белой плёнке бликнуло утреннее солнце, и на снимке она походила на кусок выброшенного пакета.

— Это под всем полем?

— Я только край смотрела.

— А дальше?

— Не смотрела. Мы вдвоём. Я не знаю, с чем имеем дело.

Ефим отступил от багажника. Вытряхнул из ладони солому и стал вытирать пальцы о брюки. Уже не берёг одежду.

— Паше своему звони. Он сможет?

— Он проверяет зерно. Он не может объяснить вот это.

— Пусть проверит то, что может.

С этим Нина была согласна.

Павел Силин работал в лаборатории, куда хозяйство не первый год возило образцы. Он был моложе Нины, очень быстро говорил по телефону и переставал торопиться, когда слышал, что ему пытаются задать вопрос шире оплаченной работы. Она ценила это качество, пока сама не оказывалась человеком с таким вопросом.

Он ответил с третьего раза. Попросил перезвонить через десять минут. Нина сказала, что не может объяснить в сообщении, и он ненадолго замолчал.

— Что случилось?

— У нас за ночь выросло убранное поле.

Слова прозвучали глупее, чем она ожидала. Ефим отвернулся; Данила продолжал смотреть на неё.

— В смысле выросло?

— В прямом. Вчера закончили, сегодня зрелая пшеница. Новые стебли рядом со срезами.

— Нина…

— Я знаю. Я уже посмотрела. Не всходы. Не оставленный участок. То же место.

Павел спросил о площади, о вчерашней работе, о том, кто был с ней. Она отвечала, стараясь не злиться на вопросы, которые минуту назад уже задавал Ефим. Человек на другом конце провода не обязан был видеть её глазами.

— Фотографии пришли. Вчерашние есть?

— Поле специально не снимала. Проба есть, подписанная вчера.

— Проба вчерашнего зерна докажет, какое вчера было зерно.

— Я понимаю.

— Я не издеваюсь. Мне нужно понять, что я могу взять в работу, а с чем тебе надо к людям, которые занимаются растениями. И там тоже начнут с того, не ошиблись ли вы полем.

Нина посмотрела на штырь. Ей захотелось выдернуть его и отвезти вместе с ведром — бессмысленно, но хоть что-то у неё там точно признали бы существующим.

Павел попросил не смешивать пробы, отдельно упаковать новое зерно и отдельно сохранить растения с грунтом. Сказал, что узнает, кому можно передать фотографии и описание роста. До любого использования предложил держать всё в стороне. Нина сама продиктовала ему, что на поле уже никого не пускают.

— Это правильно, — сказал он. — Только слово «проверка» пока не превращай в разрешение. Если я не найду того, что мы обычно ищем, ваша ночь от этого понятнее не станет.

— Я не собираюсь кормить людей из ведра.

— Хорошо. Пришли сначала всё, что есть.

Она закончила разговор и осталась с телефоном у уха. Ефим дождался, пока она опустит руку.

— Чего сказал?

Нина пересказала. Данила слушал, опустив глаза к земле.

— То есть сейчас нужно взять ещё, — сказал Ефим.

— Да. И написать, кто вчера здесь был и что видел.

— Напишем.

Его готовность немного удивила. Нина ждала просьбы не распространяться, спора о том, кто будет платить за анализы. Ефим уже доставал телефон.

— Борис, приезжай на шестое. Нет, машину не перегонять. Сам приедь. И Веру возьми, если рядом.

Он закончил звонок, посмотрел на поле.

— Только если это действительно зерно, его на земле не оставишь.

— Мы не знаем, что это.

— Я поэтому и говорю: если.

* * *

К полудню около въезда стояли три машины и грузовик.

Данила вынужден был переставить фургон, чтобы Борис мог развернуться. Вместо него натянули между двумя стойками ленту, найденную в ремонтном боксе. Один конец не держался на гладком железе, и Вера завязала поверх узла полоску ткани.

— Теперь неделю не развяжешь, — сказала она.

Никто не ответил.

Её привёз Борис, не объяснив толком, зачем. Увидев поле, Вера сначала стала сердиться: зачем вчера держали до темноты, если здесь ещё столько работы. Потом Борис вышел из кабины. Остановился возле неё и сказал негромко:

— Я всё убрал.

Она хотела возразить, открыла рот и закрыла. Посмотрела на его руки, словно удостоверялась, что он и сегодня способен управлять машиной.

Нина отвела их к первому срезу. Вера присела с трудом, оперевшись ладонью о колено. Борис остался стоять. Он смотрел не на стебли, а на примятую траву возле поддона, где вчера лежала его кружка.

— Здесь стояли, — сказал он.

— Знаю, — ответила Нина.

— Я Вере ещё говорил, чтоб не садилась на край. Там доска плохая.

Вера встала. Подтянула узел платка.

— Ладно. Теперь-то чего делать?

Нина показала новые пакеты для проб и чистый контей-

нер, который привёз Ефим. Работали только у верхней кромки; в середину поля она никого не пустила. Борис держал раскрытый пакет, Вера записывала на наклейке номер. Данила помог отделить второй небольшой ком и сразу отнёс лопатку к машине, чтобы никто не взял её для обычной работы. Нина собрала несколько колосьев отдельно от грунта, подписала время и место.

За этой работой стало легче. Они могли что-то сделать с пшеницей, даже если не могли понять, откуда она взялась. Вера поправила косо приклеенную этикетку. Борис спросил, не нужен ли ещё пакет. Ефим перенёс контейнер в тень.

Потом Нина попросила каждого рассказать о вчерашнем вечере. Включила запись на телефоне, предупредив, что передаст вместе с описанием. Борис сразу начал говорить так громко и ровно, как не говорил никогда. Вера засмеялась. Он сбился.

— Чего ты смеёшься? Мне надо точно.

— Точно и скажи. Не надо как погоду по радио.

Он попросил начать заново. Нина оставила первую запись и включила вторую. Борис рассказал, где машина остановилась, что ремонтировал Данила, откуда начали последний проход. Когда дошёл до Веры и грузовика, снова стал самим собой: вспомнил, что она велела не трясти термос, словно чай можно довезти только по воздуху.

Вера толкнула его в плечо.

Нина смотрела на экран, на бегущие секунды. Тот же ве-

чер теперь имел свидетелей, имена, начало и конец. Он не становился от этого менее невозможным, но уже не принадлежал ей одной.

Пока Ефим записывал свой рассказ, Борис отошёл к колосьям. Нина подняла голову и увидела, как он растирает один между ладонями.

— Не пробуйте, — сказала она резко.

Он замер. На нижней губе осталась светлая сухая чешуйка.

— Я не ел.

— Пожалуйста. Даже одно зерно.

Борис стряхнул всё из ладони на землю, вытер рот рукавом.

— Привык. Всю жизнь так проверяю.

Нина попросила его отойти за ленту. Сказала, что по виду и вкусу они сейчас ничего полезного не узнают. Он послушался, но лицо у него стало обиженным. Ему не понравилось, что его одёрнули перед Верой.

Когда запись закончилась, Нина подошла к нему сама.

— Я не хотела на вас кричать.

— Да я не ору в ответ.

— Просто это не обычное зерно.

Борис оглянулся на поле. Потом спросил неожиданно:

— А если хорошее?

— Сначала надо узнать.

— Ну я же говорю, если.

Он произнёс то же самое, что Ефим, но Нина услышала совсем другой вопрос. Борис уже представлял людей, которым можно было бы отвезти по мешку. Он всегда так делал, когда в хозяйстве оставалось что-то сверх обещанного покупателю: находил, кому нужно, и только потом спрашивал, можно ли.

— Сейчас никому ничего не обещайте, — сказала она.

— Сейчас не обещаю.

Он снова посмотрел через ленту, уже без обиды.

* * *

В конторе пахло пылью от старого отопления, хотя отопление ещё не включали. Нина поставила контейнер с грунтом в подсобку, на пустой металлический стеллаж. Пакеты с зерном уложила отдельно, в чистую коробку. Ведро с первой пробой осталось там же, внизу, на листе плотной плёнки. На двери она написала: «Пробы шестого поля. Не трогать».

Вера прочла надпись.

— Запри лучше. Тут человек тряпку возьмёт, ведро переставит, потом ищи.

Нина заперла. Ключ сняла с общей связки и положила в карман своей куртки. Сделала фотографию того, как оставила образцы; теперь даже собственному завтрашнему воспоминанию хотелось дать подпорку.

За столом Ефима сидел незнакомый мужчина. На стул ря-

дом с собой он положил кожаную сумку, которая выглядела дороже всего стола. Ефим разговаривал с ним негромко. Увидев Нину, поднялся.

— Вот наш агроном. Нина Чередова. Благодаря ей ещё держимся.

Мужчина встал, протянул руку. Нина пожала её, чувствуя мелкую землю у собственного ногтя.

— Сергей Михайлович, — представился он.

Ефим пояснил, что они обсуждают расчёт за ремонт и работу комбайна у соседей. Нина не спросила фамилию. Ей было стыдно за грунт под ногтем, хотя мужчина, наверное, ничего не заметил.

— Сегодня отправить не получится, — сказал Ефим. — У нас обстоятельства поменялись.

Сергей Михайлович снова сел. Его ладонь легла на сумку.

— Вчера они тоже поменялись. Только в другую сторону.

Нина осталась у двери. Ефим показал ей на свободный стул, но она не села.

— У нас дополнительное зерно, — сказал он.

— Откуда?

Ефим посмотрел на Нину.

Она могла произнести всё в одной фразе, как Павлу по телефону. Стоять возле двери, чувствовать землю под ногтем и смотреть, как незнакомый человек решает, кто из них болен или врёт. Вместо этого Нина сказала:

— Сейчас выясняем состояние партии. До проверки ни-

чего обещать нельзя.

Это было верно. Ничего неверного она не сказала.

Сергей Михайлович вздохнул и повернулся к Ефиму.

— Давайте без партии. У меня люди ждут машину. Вы обещали.

Нина вышла в коридор, пока они не начали повторять вчерашние договорённости. Села на скамью возле окна. Отсюда было видно зерновой двор; на обычном складе работали двое, Вера подходила к ним, показывая что-то рукой. Они ещё не знали про поле. Или уже знали: по тому, как один из мужчин повернулся к дороге, Нина не могла понять.

Она открыла сообщение от Павла. Он просил прислать описание отдельным файлом, без пересказа в мессенджере, и дать номера людей, готовых подтвердить вчерашнюю уборку. Нина начала писать. Указала дату, номер поля, кто работал, что было сделано. В строке «изменения, замеченные утром» остановилась.

Если написать «повторное отрастание», это окажется знакомым словом для совершенно другого. Если написать «полностью зрелые новые растения», потребуется признать, что она именно это наблюдала. Нина напечатала второе. Приложила снимки и записи, проверила адресата и отправила.

Из кабинета вышел Сергей Михайлович. Кивнул ей на прощание. За ним появился Ефим.

— До завтрашнего вечера согласился, — сказал он.

— Под что?

— Под моё слово. И под то, что я вечером переведу часть. Хоть какую-то.

— У нас нет этой части.

— Ты думаешь, я ещё не посмотрел?

Нина поднялась. У неё затекла нога; пришлось постоять, держась за подоконник. Ефим подождал, потом тихо сказал:

— Я не стану продавать из твоего ведра. Но мне нужно хотя бы знать, что завтра не совсем пусто.

— Я не могу этого дать.

— А кто может?

Он вернулся в кабинет и закрыл дверь.

* * *

К Раде Нина заехала ближе к вечеру. Пекарня работала в низком здании с отдельным двором; за воротами сохли вымытые ящики, поставленные один в другой. На двери висела табличка «Закрыто», но из открытого окна слышался голос Артёма.

— Мам, если я сейчас сниму, ты опять скажешь, что у тебя фартук грязный.

— Значит, фартук не снимай. Руки снимай.

— У тебя руки на фартуке.

Нина вошла через двор, позвала. Рада появилась в дверях, вытирая ладони. Фартук у неё действительно был в муке, а на подбородке темнела маленькая полоска теста.

— Вера доехала? — спросила она.

— Доехала. Пирожки съели ещё вчера.

— Я знаю, что вчера. Она мой термос взяла на два дня. Мне завтра нужен.

Нина улыбнулась. Рада отступила, пропуская её в маленькую комнату возле производственного помещения. Там стояли стол, электрический чайник и три стула; на одном лежали сложенные пакеты.

Артём сидел у окна с телефоном на низкой подставке. Он был похож на мать длинным разрезом глаз, но всё остальное в нём ещё не собрало окончательного выражения. При виде Нины он убрал со стула пакеты.

— Привет. Вы нам новости привезли?

— Какие?

— Борис сказал, у вас опять уборка.

Нина перестала улыбаться.

— Он когда сказал?

— В обед. Заезжал тару забрать.

Рада поставила чайник.

— Он сказал: если получится, муку будем свою делать побольше. Я говорю, мне сначала за прошлую бы заплатили. Не вам, другим.

На стол она положила маленькую буханку, обычную, со слегка треснувшим боком. Разрезала пополам. Нож вошёл туже, чем Нина ожидала; корка крошилась, середина была плотной.

— Что у вас? — спросила Рада.

Нина достала телефон. Прежде чем показать фотографию, сказала:

— Это снято сегодня. А вчера это же поле мы убрали полностью.

Рада наклонилась к экрану. Артём тоже придвинулся, но мать остановила его локтем — не сердито, просто ей первой нужно было разглядеть. Нина показала стебли и срез, белую плёнку, вчерашний пакет.

— Такое бывает? — спросил Артём.

— Нет.

Сказать здесь «нет» оказалось легче, чем в конторе.

Рада взяла телефон. Увеличила фотографию, потом уменьшила. Поставила рядом с буханкой так, чтобы экран оставался виден.

— И что вы сделали?

Нина рассказала про пробы, ленту, Павла, отдельную подсобку. Артём спросил, почему она не сняла видео. Она объяснила, что видео не покажет вчерашнего дня. Он подумал и согласился.

— Но сегодня можно снять, — сказал он. — Чтобы завтра было вчера.

Рада посмотрела на него с раздражённым удивлением.

— Вот это ты сейчас к чему сказал?

— К тому, что потом опять будут спрашивать, что стояло на поле. Сейчас можно зафиксировать. Я не про выкла-

дывать.

Нина посмотрела на свой телефон. Ей понравилось, что кто-то предложил действие, для которого не нужно сначала объяснить чудо.

— Завтра, если приедешь, снимем с дороги. За ленту нельзя.

Артём кивнул.

Рада разлила чай. Положила перед Ниной кусок хлеба и масло в маленькой чашке. Нина вдруг поняла, что с утра ничего не ела, кроме яблока, которое взяла в машине машинально и теперь не могла вспомнить на вкус.

— А молоть его можно? — спросила Рада.

Нина не сразу ответила. Технически зерно выглядело так, что его можно было очистить, размолоть, просеять. Каждый следующий привычный глагол вёл к следующему.

— Сейчас нельзя использовать.

— Я не про сейчас. Я про зерно. Оно внутри обычное?

— На вид.

Рада села напротив. Взяла половину буханки, повернула трещиной к себе.

— Вот это вчера не поднялось как надо. Я всё сделала так же, а оно не поднялось. Сижу и перебираю, где сама ошиблась. А у тебя целое поле поднялось, и ты тоже виноватая.

— Я не говорила, что виновата.

— Ты с таким лицом вошла.

Нина отломила корку. Хлеб был чуть кисловатый, с плот-

ным тёплым запахом. Она ела быстро, пока не заметила, что Рада следит за её рукой. Замедлилась.

— Я ничего для этого не делала, — сказала она.

— Для поля-то?

— Для того, что сегодня.

— Для поля делала, я спрашиваю.

— Как всегда.

Рада пожала плечом. Артём поднял телефон с подставки, но не направил на них — проверял пришедшее сообщение.

— Ну и не порти себе раньше времени, — сказала Рада. — Узнаешь — решишь. Если окажется дрянь, выбросим. Если хорошее — я тебе из него такой хлеб сделаю, что перестанешь жевать на ходу.

Нина хотела объяснить, что дело не только в испорченном зерне. Нужно было рассказать ещё раз про ночь, время, взрослые растения. Вместо этого она доела кусок и почувствовала обычное облегчение от еды.

Рада встала к чайнику. Потёрла поясницу, считая, что никто не смотрит. Нина подумала о её снятом заказе, о пирожках, которые они ели бесплатно, о маленькой мельнице в соседнем помещении, которую Рада купила с рук и ещё не успела оплатить целиком.

— Я сообщу, как будет ответ, — сказала она.

— Сообщи. И термос Вере напомни.

* * *

На шестое Нина вернулась уже при низком солнце. Лента держалась. Борис сидел в грузовике, положив на руль раскрытую тетрадь. Ефим попросил его побыть до смены: дорога была проезжая, любопытные уже дважды останавливались.

— Раде зачем про муку сказали? — спросила Нина через окно.

Борис поднял голову. В тетради были фамилии и суммы; одну сумму он обвёл несколько раз, прорвав бумагу.

— Я не сказал, что будет. Я сказал, если получится.

Она устала от этого «если». Отдельно в нём не было ошибки, и потому его можно было повторять бесконечно.

— Пока никому не обещайте ничего. Совсем.

Борис закрыл тетрадь.

— Понял. Ты сама-то ела?

— Ела.

Он кивнул и достал из-за сиденья куртку. Вечер становился холоднее.

Нина прошла вдоль ленты до места, где утром выкопала ком. Ямка осталась открытой. Внутри было темно; она включила фонарик телефона. Белёсая прослойка виднелась на стенке, но уже не свисала, как утром. Подсохший край плотно прилегал к грунту.

Нина не могла сказать, было ли это изменением, или свет просто падал иначе. Сняла ещё одну фотографию. Обошла ленту с внешней стороны, чтобы увидеть поле целиком.

К вечеру колосья ничуть не ослабли. Они стояли в тёплом боковом свете, отдельные верхушки проступали на фоне тёмных кустов. Нина знала, как хорошо выглядела бы эта фотография, если не подписывать, когда здесь убирали.

Позвонил Ефим. Спросил, не ответил ли Павел. Затем сказал, что малый склад можно освободить: старые поддоны вынести, пол вычистить, ничего обычного туда не ставить. Для отдельной партии место будет.

— Мы ещё не решили убирать, — сказала Нина.

— Я не убираю. Я место готовлю. Или пусть дождём мочит?

Она посмотрела на небо. Дождя пока не было, но оставить неизвестный зрелый хлеб на поле до ответа, который мог прийти через неделю, тоже означало что-то решить. Колосья осыплются. На дорогу будут приходить люди. Борису нельзя сидеть здесь бесконечно. Можно оградить плотнее, поставить таблички, вызвать ещё кого-нибудь — всё это было возможно и всё нуждалось в людях, времени, деньгах.

— Освободите, — сказала Нина. — Только до уборки со мной. И оттуда ничего не выдавать.

— Договорились.

Ефим хотел закончить разговор, но она удержала:

— Это не моё достижение. То, что здесь выросло.

Он помолчал.

— Я знаю, что ты сама так не скажешь.

— Я серьёзно.

— Нина, ты восемь лет каждый комок здесь на зуб пробуешь. Дай хоть один раз сказать тебе спасибо до того, как снова всё испортится.

Он отключился.

Нина осталась с телефоном в руке. За лентой шуршала пшеница; Борис в кабине надевал куртку, зацепился рукавом за рычаг и негромко ругнулся. Всё можно было услышать по отдельности.

Она могла перезвонить, повторить ещё раз. Вместо этого убрала телефон и пошла к машине. Завтра нужно было сдать пробы в лабораторию, вернуть Раде термос, показать Артёму место для съёмки и проверить, как подготовили склад. День уже состоял из работы.

Глава 3. Отдельный склад

Из малого склада вынесли сначала старый шкаф.

Он простоял там пять лет. Татьяна Короткова, которая вела у Ефима счета и бумаги, всё собиралась забрать его в контору, но в конторе сначала не было места, потом понадобилось сделать полку под папки, а потом стало жалко выбрасывать то, что уже стояло на месте будущего шкафа. Теперь шкаф не проходил в боковую дверь. Семён Буров, молодой рабочий с зернового двора, держал его за низ и сердился, что Данила всё время предлагает повернуть.

— Я уже повернул.

— Ты себя повернул. Шкаф пока там же.

Татьяна смотрела на них, прижав к груди стеклянные полки. У нижней был отбит угол. Она всё время сдвигала ладонь, чтобы не порезаться.

Нина подъехала, когда шкаф наконец оказался во дворе. Его поставили на старый лист фанеры и накрыли плёнкой. Данила стянул плёнку верёвкой, взял у Татьяны стекло и унёс в контору.

— Вы с утра за это взялись? — спросила Нина.

— Со вчерашнего, — ответила Татьяна. — Ефим велел. А ты говорила, ещё нельзя.

— Я говорила, использовать нельзя.

Татьяна посмотрела на распахнутые ворота склада.

— На вид разницы нет. Все уже работают.

Она пошла за Данилой. Семён остался возле шкафа, вытряхивая из рукава пыль. Нина прежде почти не замечала его вне движения: подать, отнести, подставить, убрать. Теперь он смотрел на неё так, будто ждал отдельного объяснения своего участия.

— На поле были? — спросила Нина.

— Вчера вечером. Борис показал.

— За ленту заходили?

— Нет. Он вас боится больше, чем поля.

Нина улыбнулась, но Семён не улыбнулся в ответ. Ему было двадцать семь; он поступил к ним летом, и она ещё не научилась различать у него шутку и сообщение.

В складе не осталось ничего, кроме высоко закреплённой лампы и полос на полу, где годами стояли вещи. Помещение было небольшое, с бетонным основанием, отдельными воротами и дверью во двор. Не зернохранилище мечты, но отсюда ничего не должно было самотёком попасть в обычную работу.

Нина обошла углы. Проверила, не осталось ли мешков под низкой балкой, попросила убрать веник, которым только что подметали: пусть пока будет здесь, не несут его потом в другие помещения. Семён взял веник, прислонил у двери и взглянул на неё с уже явным удивлением.

— Мы же ещё ничего не привезли.

— Давайте с самого начала отдельно.

— Ладно.

Он сказал это без раздражения. Ему было проще исполнить понятное распоряжение, чем участвовать в чужом споре о том, насколько следует бояться.

Данила вернулся из конторы. Отвёл Нину к стене, где не мешали проходу.

— Я сейчас уезжаю. До вечера меня не будет.

— Ты вчера не ездил?

— Вчера вы с Ефимом привезли мне другое поле.

— Я тебя не просила остаться на весь день.

Он посмотрел на неё.

Нина отвела глаза. Формально она действительно не просила. Столько вещей можно было не просить вслух и всё равно получить.

— Спасибо, — сказала она.

— За вчера или за то, что сегодня уеду?

Она не ответила, и он перестал усмехаться.

— Я проверил, что здесь можно проверить. Ворота ходят, запор есть, провод не висит на гвозде. Комбайн тоже исправен. Про ваше зерно я ничего не знаю. Если скажешь потом «Данила разрешил», я рассержусь.

— Я не скажу.

— Хорошо.

Он пошёл к фургону. Нина проводила его взглядом и только тогда обнаружила, что хочет удержать не машину и не механика. Ей было легче, когда рядом находился человек,

который видел первый срез и не нуждался в объяснении. Это удобство тоже приходилось у кого-то брать.

* * *

В лабораторию Нина отвезла зерно из двух урожаев в разных пакетах, записи и фотографии. Контейнер с растениями и ведро оставила в запертой подсобке: Павел попросил пока не везти грунт туда, где для него не было ни назначенной работы, ни подготовленного места.

В приёмной пахло горячим пластиком от принтера. Женщина за столом сверила этикетки, спросила обычные сведения, несколько раз посмотрела на формулировку происхождения второй пробы. Затем позвала Павла.

Он вышел в застёгнутом халате, с ручкой за ухом. Вблизи оказался ещё моложе, чем помнила Нина. Его уверенный голос всегда прибавлял ему несколько лет.

— Пойдём на минуту.

Они вышли в коридор. Павел вытащил ручку из-за уха, попытался надеть колпачок, не нашёл его и сунул ручку в карман.

— Я отправил описание двум людям. Один ответил, что без выезда и подтверждения исходного состояния обсуждать нечего. Второй пока молчит. На сегодня выезд никто не обещал.

— Что мне делать с полем?

— Я не могу тебе это разрешить или запретить. Образцы примем. Но не скажу, что завтра у тебя будет ответ на главный вопрос.

За их спинами открылась дверь, мужчина с тяжёлой сумкой попросил пройти. Нина прижалась к стене. Он пронёс мимо пакеты, похожие на её, и исчез в приёмной. Мир продолжал сдавать обычное зерно.

— Они думают, я ошиблась? — спросила она.

Павел не стал делать вид, что не понял.

— Сначала будут думать так. А ты на их месте?

— Я бы приехала.

— Ты знаешь дорогу к своему полю и всех, кто там был. Они пока знают письмо от незнакомого человека. Дай людям время.

Нина посмотрела в конец коридора. Там стоял кулер, на подносе возле него лежал один стакан, дном вверх.

— У нас его сейчас мало.

Павел устало потёр переносицу.

— Это я понимаю. Только времени в пшенице от этого больше не станет. Или меньше. Слушай, я не умею ответить тебе хорошо.

Его последняя фраза оказалась неожиданно человечной. Нина перестала подбирать следующий вопрос, который заставил бы его наконец дать определённость.

Они вернулись к столу. Павел повторил при сотруднице, что пробы нельзя объединять. В документах оставили точ-

ные даты и раздельное происхождение. Нина получила подтверждение приёма, убрала в папку и вышла на улицу.

До машины дошла, не открывая телефона. Потом села, положила папку на соседнее сиденье и написала Ефиму, что пробы приняты, объяснения нет, до использования ответ не получен. Перечитала сообщение. В нём было всё необходимое, но оно совершенно не передавало, какой маленькой она чувствовала себя возле лабораторного кулера.

Ефим ответил: «Понял. Приезжай. Решим про уборку».

* * *

На поле приехали впятером: Нина, Ефим, Борис, Вера и Артём. Семён остался заканчивать склад. Данила был на другой работе, и Нина не стала ему звонить.

Артём принёс небольшую подставку и телефон с чистым объективом. Перед съёмкой тщательно протёр стекло о специальную салфетку; Нина вспомнила свой вчерашний ключ в земле и почувствовала к нему благодарность за эту аккуратность.

Он начал с дороги. Снял штырь, поддон, ленту, край поля. Потом попросил Нину встать рядом с ямкой и показать старый срез. Она не хотела попадать в кадр.

— Руки достаточно, — сказал он. — И голос. Кто показывает и что.

Она назвала себя, дату, номер поля. Начала говорить о

том, что было сделано позавчера, и сбилась: «вчера» уже стало днём, когда хлеб стоял снова. Артём не выключал запись.

— Поправьте, — сказал он. — Это нормально.

Нина назвала даты. Показала старые срезы и новые стебли. Вера стояла за Артёмом и смотрела через его плечо на маленькое поле в экране.

— Вживую страшнее, — произнесла она.

Артём не стал её одёргивать. Повернул телефон, записал и её.

У нижнего края, куда они не спускались, пшеница шевелилась медленнее. Нина заметила это ещё утром: ветер дул по верху, а в ложбине было тихо. В другом случае она бы не задержалась на этой разнице. Теперь всё, что делали стебли, хотелось превратить в знак.

Ефим дождался конца записи.

— У нас есть склад, — сказал он. — Комбайн до вечера наш. Если сегодня не начнём, потом будем просить обратно. Что именно мешает убрать и запереть?

Нина сказала о неизвестном происхождении, пыли, людях, которые будут работать. Борис выслушал и спросил, почему оставлять на поле лучше. Здесь тоже люди, ветер, дорога.

— Лучше не значит безопасно, — ответила Нина.

— Я про то и спрашиваю. Нам в каком месте меньше беды?

Вера подошла ближе. В руках она держала Радин термос,

который привезла возвращать вместе с Артёмом.

— Можно подождать тех, кто понимает, — сказала она.

— Они пока не едут, — ответил Ефим.

— Тогда ещё день.

Он посмотрел на часы, не скрывая раздражения.

— Машина завтра не здесь. Мы уже день ждали.

— Значит, потом нанимать.

— На что, Вера?

Нина увидела, как Вера сильнее обхватила термос. Тот листок с расчётом за крышу наверняка оставался у неё в кармане, хотя доставать его сейчас никто не собирался.

— Не надо так, — сказала Нина Ефиму.

— Как?

— Будто ждать предложили из вредности.

Он развёл руками и отошёл. Борис молча смотрел на поле. Артём выключил телефон, но подставку не складывал.

Нина прошла вдоль ленты. Она могла сказать «нет» и оставить всё в прежнем состоянии. Тогда решение всё равно состоялось бы, только без работы и без вида, что она управляет происходящим. Больше всего пугало именно это: ничего не сделать и смотреть, как чужие люди постепенно объявляют её осторожность причиной своих новых потерь.

Но были и другие причины. Колосья начинали осыпаться; на дороге всё чаще останавливались машины. Пшеница оставалась открыта ветру и прохожим. Под крышей партия хотя бы окажется в одном месте, и можно будет не пускать

туда никого. Она перебрала эти доводы, пытаясь отделить пригодные для решения от тех, за которыми пряталось желание увидеть заполненный склад.

— Один проход сначала, — сказала она, вернувшись. — Отдельная выгрузка. Смотрим, что выходит, как идёт. Нижний край пока оставляем целиком, для осмотра. Солому с этого поля никуда не возим. Всё, что снимем, в малый склад. Никакого фуража, никакой выдачи работникам.

Борис спросил про зерноочистку. Нина ответила: после обычной партии, раздельно, с уборкой линии до и после. Назвала, кто будет за этим следить. Ефим кивал слишком быстро.

— И это не ответ, можно ли его есть, — добавила она.

— Я услышал.

— Скажите ещё раз сами.

Он посмотрел на неё с недовольством. Потом сказал:

— До решения не выдаём и не используем. Убираем на хранение отдельно.

Нина повернулась к Борису. Он тоже кивнул, уже без своих «если».

Вера поставила термос у Артёмовой подставки.

— Я тогда на двор. Принимать буду.

Она не сказала, согласна ли. Работа нашлась раньше согласия.

* * *

Комбайн начали готовить к полудню. Нина присутствовала при очистке от остатков обычного зерна, затем проверила, куда будут складывать всё, что останется от новой партии. Борис сменил грязную рубашку на рабочую куртку, принёс из кабины маску, привычно расправил резинки. Специальной защиты от невозможного у них не было. От пыли берегли́сь так, как умели и как полагалось на обычной работе, и Нина не разрешила себе назвать это достаточным ответом.

До начала она позвонила Даниле. Рассказала, что решили и какие поставили границы. Он молча выслушал.

— Тебе моё согласие нужно?

— Мне нужно, чтобы ты знал.

— Знаю.

За его голосом слышался стук металла, потом кто-то позвал его по имени.

— Ты бы не стал? — всё-таки спросила Нина.

— Я здесь чужой стартер разбираю. На ваше поле отсюда не видно.

Она услышала обиду и не нашла, как ответить, не начав снова оправдываться. Данила добавил:

— Не решай за меня, что я думаю. Вечером поговорим.

Он закончил разговор. Нина вернулась к машине.

Первый проход Борис сделал медленно. Комбайн исчез за

высокими стеблями не целиком: сверху была видна кабина, двигавшаяся ровно и почти беззвучно на расстоянии. Гул приходил позже, чем Нина ожидала. Она стояла у верхнего края, и ветер относил звук вниз.

Артём снимал с дороги. Ефим следил за временем. Нина смотрела на полосу, открывавшуюся за машиной.

Дважды срезанное поле отличалось от обычного не сразу. В серой земле появлялись новые светлые трубочки, выше прежних: нож не проходил точно по старой высоте. Под ними местами виднелась белёсая прослойка. Нина дождалась, пока Борис закончит проход и остановится на площадке.

Он спустился из кабины. Снял маску, провёл рукавом по лицу.

— Идёт нормально.

— Звук не менялся?

— На повороте ты бы сама слышала. Ничего.

Нина обошла машину вместе с ним после остановки. Взяли пробу из новой партии, посмотрели зерно. Оно было ровным, налитым, без того жалкого разнообразия недозревшего и сморщенного, которое она перебирала в последние недели. Приходилось напоминать себе, что хорошо выглядеть умеет не только безопасное.

Борис стоял рядом и молчал. Он не просил попробовать.

Нина посмотрела на поле, на машины, на Ефима. Никто не произнёс за неё следующего слова.

— Продолжаем, — сказала она.

* * *

На зерновом дворе Вера встретила первый груз, переодевшись в закрытую рабочую одежду. Платок сменился другим, тёмным. Она показала Борису, где встать, затем подняла ладонь, останавливая Семёна: он уже собирался открыть обычные ворота.

— Не сюда. Малый.

Семён кивнул и пошёл к отдельному складу. Нина остановилась возле весовой записи. Татьяна вывела дату, поле и отметку партии. На бумаге впервые появилось её рабочее название: «Шестое — повторная уборка».

— Так? — спросила она.

Нина прочла.

— Да. Не «остаток». Именно отдельно.

Татьяна подчеркнула слова. Затем перелистнула журнал и показала позавчерашнюю строку, относящуюся к обычному зерну.

— Это никто не меняет. У нас с одного поля два разных урожая, так и будет записано.

— И не нужно менять.

— Хорошо.

Она убрала журнал подальше от края стола. Нина запомнила это движение: Татьяна не кричала, не изумлялась, но защищала бумагу от всех, включая её.

Работа пошла медленнее, чем надеялся Ефим. Остановки для раздельной подготовки, уборка остатков, контроль пути зерна — всё, что при обычной работе можно было соединить, сегодня приходилось разделять. Ефим дважды подходил к Нине, открывал рот, смотрел на Веру и уходил звонить.

Вера не торопилась. Она давно знала, как выглядит человек, который сейчас предложит сберечь пять минут её руками. Снимала показания, смотрела пробу, проверяла то, что проверяла всегда. При этом Нина видела разницу: Вера больше не пела. Обычно в шуме она напевала, не попадая ни в один знакомый напев. Теперь двигалась молча и слишком внимательно следила за собственной ладонью, когда на неё попадала пыль.

Около трёх Семён принёс еду. Нина велела оставить всё в конторе, чтобы не есть на рабочем месте, и сама отвела Веру на перерыв. Та сначала сопротивлялась, потом села на скамью и долго не снимала платок.

— Рада термос получила? — спросила Нина.

— Артём забрал. Ещё сказал, мать велела не царапать. Я ей двадцать лет кастрюли даю, ни разу не просила беречь каждую.

Она наконец рассмеялась. Нина достала принесённые Семёном бутерброды, разложила на чистой бумаге.

— Ты за что его хвалишь? — спросила Вера.

— Кого?

— Зерно. Я видела тебя у машины.

Нина перестала разворачивать бумагу.

— Я его не хвалила.

— Лицо было такое. Как когда ребёнок выучил стишок, а ты знала, что не выучит.

— На вид хорошее.

— Вот. Я тоже вижу.

Вера взяла бутерброд, откусила маленький кусок. Жевала, глядя в окно. Там Семён подкатил пустую тележку к стене и поправлял колесо носком ботинка.

— Мне в субботу не привезут, — сказала она.

Нина посмотрела на неё.

— Материалы?

— Я отменила. Куда я их положу, если работу оплатить нечем. Будут у дома мокнуть. Сестра сказала, переживём ещё одну зиму. Она у себя говорит, а я у себя слушаю.

— Ефим…

— Нина, не надо мне Ефима.

Вера поднялась, взяла второй бутерброд с собой. У двери остановилась.

— Но если вдруг хватит, я тебе первая скажу спасибо. Не ему.

Она ушла, не дав ответить.

Нина осталась за столом. За окном грохнула тележка: Семён наконец повернул колесо, и тяжёлый металл ударил о бетон. Всё время что-нибудь требовало чужой руки, маленького усилия, отложенных денег. И лишь новая пшеница не

потребовала у них ничего до того, как появилась.

* * *

К вечеру шестое снова стало серым. У нижних кустов оставили широкую полосу, оградили её отдельно и сняли на видео. Там можно было увидеть новые растения нетронутыми, пока кто-нибудь из тех, кому писал Павел, соберётся приехать. Нина сама прошла вдоль новой границы, не заходя в оставленный хлеб.

Данила вернулся, когда Борис уже закончил последний рейс. Приехал прямо на поле, не звоня. На пассажирском сиденье лежала коробка с разобранным узлом, плотно обёрнутая тряпкой. Нина заметила её раньше, чем его лицо: он всё-таки не бросил чужую работу ради них.

— Где здесь можно идти? — спросил он, остановившись возле ленты.

Она показала полосу у дороги, по которой они уже прошли после уборки. Данила не двинулся сразу.

— Давай ты ко мне.

Нина подошла. Он посмотрел на неё, затем на пустое поле.

— Заперли?

— Сейчас поеду закрывать. Последнее довели отдельно, Вера осталась проверить. Сегодня машину отдаём соседям, сразу после очистки. Там знают, что работала с новой партией.

— Знают какую?

— Ефим должен был сказать.

Данила ничего не ответил. Нина достала телефон и написала Ефиму: рассказать полностью до передачи. Посмотрела на отправленное, потом убрала телефон.

— Ты можешь не верить, — сказала она. — Но я стараюсь не сделать хуже.

— Я верю. Вопрос, чем ты меряешь «хуже».

Это было похоже на обвинение, и Нина приготовилась защищаться. Данила нагнулся к земле, поднял обломок длинного стебля. Повернул срезом к себе.

— Гляди.

Из нижней части соломины выходила тонкая белая нить. На воздухе она обвисла, но когда Данила держал обломок ближе к грунту, коснулась его и зацепилась. Он поднял стебель. На нити повис комочек земли.

— Корень? — спросил он.

Нина взяла обломок через перчатку. Нить была плотнее обычного тонкого корешка, гладкая, без заметного разветвления. Она не шевелилась сама, не тянулась к руке. Просто держала землю, хотя выглядела слишком слабой для её тяжести.

— Часть того, что снизу, наверное.

— Вот это ты хочешь оставить до приезда умных людей?

— Оно осталось под всем полем. Мы же убирали колос, не пахали.

— Я вижу, что вы не пахали.

Данила присел. Подцепил носком ботинка небольшой край почвы, уже потревоженный колесом. Белая прослойка показалась и здесь. Он не полез глубже. Выпрямился и отступил на дорогу.

Нина упаковала обломок отдельно, подписала место. Данила подождал, пока она уберёт пакет в ящик для проб в багажнике.

— Ты чего больше боишься? — спросил он. — Что оно плохое или что ничего из него не выйдет?

Она захлопнула багажник слишком сильно. Он не отшатнулся и не сделал вид, что вопрос был шуткой.

— Не знаю, — сказала Нина.

Данила посмотрел на неё. На этот раз она не пыталась уточнить ответ так, чтобы он стал удобнее.

— Ладно, — произнёс он. — Поедем закроем.

Они приехали на двор раздельно. Вера ждала у малого склада. Партия была внутри, записи у Татьяны, рабочие закончили уборку линии; обычное зерно оставалось в своём хранилище. Вера показала Нине пробу после подготовки, отдала подписанный пакет и ключ.

Нина вошла одна. Под лампой зерно лежало светлым плотным склоном. В воздухе ещё держалась тонкая пыль. Она постояла у входа, не приближаясь, и вдруг поняла, как часто раньше представляла именно этот вид: запас, который можно показать, а не обещать; работу, которую наконец вид-

но целиком.

Из двора позвали. Нина вышла, закрыла створки. Проверила запор, повесила замок. На листе у двери написала: «Шестое. Повторная уборка. Выдача запрещена».

Ключ оказался тёплым от Вериных пальцев. Нина положила его в отдельный карман, рядом с ключом от подсобки, где стояли первые растения. Теперь неизвестное помещалось в двух запертых комнатах.

Данила ждал у фургона. Вера уже забиралась к Борису в грузовик, прижимая пакет с оставшейся едой. Нина выключила лампу над воротами и пошла к своей машине.

На следующий день у них не выросло ещё одного поля. Было только то, что они успели собрать.

Глава 4. Пробный помол

Комбайн так и не уехал.

Его вычистили вечером, подготовили к передаче, и Сергей Михайлович прислал человека. Нина к этому времени уже добралась домой. Когда Ефим позвонил, она сидела на полу возле стиральной машины, разбирая рабочую одежду; из кармана куртки на кафель высыпались три зерна первого, обычного урожая. Она собирала их по одному, слушая в трубке чужое возмущение.

— Я рассказал, как ты просила. Он сказал, пускай машина пока постоит. Завтра сам приедет.

— Что именно рассказали?

— Что здесь было поле, потом не было, потом опять было. Как тебе ещё нужно?

Нина положила зёрна на крышку машины.

— Всё правильно.

— А то, что я теперь должен, правильно?

Она не ответила. Ефим выругался, но не на неё, а куда-то в сторону. Потом сказал, что утром будет говорить о деньгах, и отключился.

На следующий день Сергей Михайлович приехал с тем же человеком. Они осмотрели машину. На поле не пошли, хотя Нина предлагала. Сергей Михайлович сказал, что не собирается разбирать сельские истории, но использовать технику

после непонятной партии, пока само хозяйство не знает, что с ней делать, не будет. Попросил вернуть часть долга деньгами. Ефим пригласил его в кабинет.

Нина осталась во дворе. Ей хотелось вернуться в разговор и объяснить, что машину очистили, что никто не доказал опасности, что само железо за ночь не изменилось. Она узнала в себе этот торг и не пошла за ними.

Вместо этого открыла подсобку.

Колос в ведре высох с одного края. Пакет, надетый сверху, запотел; Нина осторожно сняла его, положила на отдельный лист бумаги. Срезанный старый стебель по-прежнему торчал рядом. Белёсая ткань на краю кома потемнела и стала похожа на влажную бумагу, которую держали в земле.

Обломок с нитью Нина перенесла из машины сюда же, в отдельной подписанной коробке. На воздухе нить потеряла упругость. Она всё ещё удерживала маленький комочек, но уже не походила на что-то, способное зацепиться заново.

Нина снимала всё на телефон, стараясь повторить прежний угол. В какой-то момент ей стало стыдно за собственную надежду. Хорошо бы, чтобы образцы просто высохли. Стали обычными остатками растений, которые можно высадить, полить, выбросить, назвать одним из знакомых слов.

После обеда Павел прислал контакт Константина Руднева. Написал, что тот занимается растениями, прочёл материал и может приехать завтра. Нина сразу набрала номер.

Руднев не попросил пересказать всё сначала. Спросил, где

сохраняются растения, сколько осталось на поле, что уже убрали. Когда Нина сказала про отдельную полосу, он ответил, что это хорошо, и попросил до его приезда ничего там не трогать.

— А зерно? — спросила она.

— Пусть лежит отдельно. Вы пока никому его не дали?

— Нет.

— Тогда и не спешите.

Он назвал удобное для себя время. Нина записала на обратной стороне квитанции: завтра, после десяти. Посмотрела на запись и впервые за несколько дней почувствовала, что предстоящий час можно ждать просто как час, а не как продолжение неизвестности.

* * *

Руднев оказался широкоплечим мужчиной с мягкой походкой. Вместо ожидаемой Ниной строгой сумки он привёз два пластиковых ящика, маленький чемодан и старые сапоги, которые переобул у машины. Данилу, стоявшего неподалёку, попросил показать, где можно оставить обувь, чтобы не мешала.

Он не выглядел человеком, приехавшим разоблачать их. Это сразу расположило Нину и заставило говорить быстрее.

Руднев дослушал. Спросил, кто впервые увидел поле утром, кто последним ушёл вечером, есть ли уверенность

в привязке всех кадров. Не произнёс ни «невозможно», ни «бывает». На поле пошёл вместе с Ниной и Данилой.

У оставленной полосы он долго стоял на коленях. Сначала рассматривал растения сверху, затем взял небольшие образцы, упаковал, подписал. Потом попросил лопатку и выкопал ком шире, чем тот, который Нина принесла в ведре. Белая прослойка прошла через всю открытую стенку.

— Где заканчивается? — спросил он.

— Не смотрели, — сказала Нина. — По краю в нескольких местах есть.

— Значит, пока не знаем.

Он произнёс это без укоризны. Отметил что-то в блокноте. Данила присел рядом, придержал пакет, пока Руднев укладывал внутрь образец.

В одном месте под прослойкой оказался более тёмный грунт. Руднев отделил его другой лопаткой, не смешивая с белым. Нина смотрела на его руки и пыталась угадать, когда он увидит нечто знакомое. Он ни разу не оживился так, как оживлялся человек, наконец нашедший ответ.

— Вам раньше такое попадалось? — не выдержала она.

— Такое сочетание — нет.

— А по отдельности?

Он поднял голову.

— По отдельности здесь почти всё узнаваемо. В этом и трудность.

Возле подсобки их ждал Ефим. Руднев посмотрел пер-

вые растения, послушал записи, попросил переслать исходное видео Артёма, а не короткие куски из него. Затем они сели в конторе. Данила остался во дворе: у него была работа, которую можно сделать, пока двое специалистов и руководитель смотрят на стол.

— Ну? — сказал Ефим.

Руднев снял очки, протёр одну линзу.

— Я не вижу обычного объяснения тому, что вы описали. Взял материал, посмотрю, что можно установить. Но я не могу сегодня подтвердить, что зрелые растения появились за ночь, только по тому, как они выглядят сейчас.

— Мы все видели, — сказала Нина.

— Я вам не предлагаю отказаться от этого. Мне нужно сохранить разницу между вашим наблюдением и тем, что я сам успел увидеть.

Ефим подался вперёд.

— А сами вы увидели хорошую пшеницу?

Руднев посмотрел на него, потом на Нину.

— Я увидел взрослую пшеницу и необычный слой в почве. Слово «хорошая» вам зачем?

Ефим откинулся на спинку стула.

— Для работы.

— Для работы с зерном будут одни вопросы. Для объяснения вашего поля — другие. Пока я бы не смешивал ответы.

Нина слышала, как Ефим дышит через нос. Она уже знала: сейчас он напомнит о деньгах. Но он промолчал, и Руд-

нев сам спросил, кто остаётся следить за участком, как с ним связаться, если на поле или с образцами что-то изменится. Записал номер Нины. Она записала его.

Когда он уехал, в подсобке стало пустее: часть материала забрали для изучения, часть оставили ей. Первое ведро осталось на месте, теперь без пакета на колосе. Нина заперла дверь и пошла к Ефиму.

Он стоял у окна.

— Что тебе дала его поездка? — спросил он.

— Он видел.

— Вот и я видел.

Она не стала отвечать, чем одно зрение отличается от другого. У неё самой не получалось выразить это без обиды.

* * *

Обычные результаты по зерну пришли ещё через два дня.

Нина открыла файл у себя дома. Прочла сначала целиком, затем вернулась к каждой строке. По проверенным показателям второй образец не оказался хуже первого. Привычных оснований забраковать его в этом протоколе не было.

Она позвонила Павлу. Он подтвердил, что файл окончательный в пределах заказанной работы. Нина хотела спросить о том же другими словами, услышать более широкое «да», и потому закончила разговор раньше, чем он ожидал.

От Руднева пришло только сообщение, что материал в ра-

боте. Объяснения пока не было. Она сохранила оба сообщения рядом и отправила Ефиму оба, ничего не вырезав.

Он ответил почти сразу: «Приходи. Рада здесь».

Пока Нина одевалась, на полу возле стиральной машины нашлось ещё одно зерно. Она подняла его и не смогла уверенно сказать, из какого кармана оно высыпалось. Наверное, из того же, что первые три. Но уверенности не было, и ей пришлось положить его отдельно, в маленький пакет, который немедленно стал нелепой вещью посреди обычного утреннего дома.

Рада ждала в конторе, сидя на краю стула. На коленях держала чистый мешок, сложенный в несколько раз. У её ног стоял контейнер с крышкой.

— Ты уже собралась? — спросила Нина.

— Я по пути. Не буду же за тарой второй раз ездить.

Ефим придвинул к Нине распечатанный результат. Она отодвинула лист.

— Я читала.

— Мы тоже. Рада хочет попробовать помол. Для пробы, не для магазина.

— Молоть можно то, что мы разрешим вынести, — сказала Нина. — Вопрос не в мельнице.

Рада посмотрела на неё.

— Тогда разреши вынести немного. Я покажу, что из него выходит. Не выйдет — верну тебе и муку, и всё, что просыпалось.

— Если выйдет, мы всё равно не узнаем, почему оно выросло.

— Я не спрашиваю, почему. Я спрашиваю, что с ним можно сделать.

Нина села. Именно это разделение ей уже предлагали: одно действие не обязано содержать ответ на всё. Образцы можно взять, поле можно убрать, склад можно подготовить, зерно можно размолоть. Каждый шаг был мал и разумен сам по себе. За каждым следующий становился похож на продолжение работы, которую глупо бросить посередине.

Ефим молчал. Нина была ему за это благодарна и одновременно понимала, что сейчас он делает лучшее из возможного для собственного решения: даёт ей самой дойти до него.

— Проба останется у вас отдельно, — сказала она Раде. — Мельницу после неё очистите. В обычные запасы ничего не пойдёт. Выпекать пока только то, что я сама увижу. Без продажи и без раздачи.

Рада кивнула.

— Так я для этого и пришла.

Ефим хотел что-то добавить, но Нина поднялась и взяла ключи.

В малом складе было прохладно. За несколько дней зерно не изменилось на вид. Они отмерили небольшое количество, записали выдачу как пробу, закрыли контейнер. Нина приклеила этикетку на боковую стенку и ещё одну — на крышку.

Рада смотрела, как она разглаживает бумагу.

— Не отклеится. Я умею читать.

— Я для себя.

— Тогда ладно.

Мешок Рада так и не развернула: для взятого хватило контейнера. Убрала его в багажник, прижала свернутым покрывалом, чтобы не ездил на поворотах. Нина обещала приехать к началу помола.

Она не вынесла ни одного зерна тайком. Сделала запись, сказала всем участникам, что именно разрешила. От этого нарушение прежней границы ощущалось гораздо меньше.

* * *

Мельницу Рада включала не каждый день. Купила её под заказы, которые сначала хорошо шли, а потом стали срываться по одному. Для обычного хлеба проще было брать готовую муку; собственный помол требовал времени, которое покупатель редко соглашался заметить в цене.

Рада любила время возле мельницы. Здесь продукт ещё не зависел от того, кто сколько раз откроет дверь, забудет накрыть тесто или начнёт звонить в самый неподходящий момент. Зерно исчезало внутри и возвращалось мукой. В этом было честное изменение: тяжёлое, шумное, сделанное руками и машиной.

В тот день она подготовила помещение раньше Нининого приезда. Артём хотел помочь, но мать отправила его разби-

рать пустую тару. Не из страха за сына — она ещё не называла это страхом. Просто не хотела, чтобы он снял на телефон её собственное нетерпение.

Нина пришла с новым блокнотом. Рада заметила и решила не шутить.

Они осмотрели зерно. Рада поднесла горсть к свету, провела пальцем по зёрнам, затем вернула всё в контейнер. Нина следила за каждой крупицей и всё время стояла там, где мешала открыть шкаф.

— Сядь вот сюда, — сказала Рада, показав место у стены. — Я сама покажу, когда будет на что смотреть.

— Я постою.

— Тогда там постой.

Нина отошла.

Первую порцию Рада пропустила отдельно. Звук был знакомый, ровный; она прислушалась, не меняется ли нагрузка, проверила, как идёт мука. Подставила чистую ёмкость. Мука получилась тёплая, мягкая на ощупь, чуть темнее той, из которой Рада пекла обычные батоны. Она взяла щепотку, растёрла между пальцами. Крупные частицы чувствовались, но не царапали кожу.

Нина подошла.

— Обычная?

— По помолу? Хорошая. Дальше посмотрим.

Рада выключила мельницу и только после полной остановки занялась тем, что осталось внутри. Не хотелось поте-

рять ни часть пробы, ни возможность потом точно сказать, сколько получилось. Остатки собрали отдельно, мельницу очистили; эту муку Рада не собиралась даже временно ставить рядом с обычной. Нина записывала. На её лице появилось выражение, которого Рада давно не видела: не настороженность, а внимание к вещи, которая выходит такой, какой её хотелось сделать.

Для теста Рада отмерила немного. Остальную муку закрыла и отставила отдельно. Достала весы, миску, воду, отмерила соль и дрожжи. Нина вдруг спросила, почему она не берёт привычную большую ёмкость.

— Потому что ты велела пробу, — ответила Рада. — Или уже будем кормить весь двор?

Нина покачала головой.

Рада замешивала сначала ложкой, затем рукой. Тесто вначале липло и расходилось, потом стало собираться, удерживать складку. Она переворачивала его в миске, счищала прилипшее со стенок. Нина смотрела на это почти с завистью. Рада знала этот взгляд: человек, который весь день работает, вдруг видит работу с понятным результатом.

— Хочешь сама?

— Нет. Я тебе испорчу.

— Мне тут пока нечего портить. Это тесто.

Нина вымыла руки, вытерла их чистым полотенцем и подошла. Рада показала, как складывать массу. Первые движения вышли слишком осторожными, как будто Нина боялась

причинить ей боль. Потом она надавила сильнее, тесто вытянулось и легло под ладонью.

Рада отошла, оставив ей место.

Когда замес закончился, Нина стояла с мукой на запястье и улыбалась. Совсем немного, но Рада заметила. Хотелось удержать это лицо, прежде чем вернутся все запрещающие слова.

Миску накрыли. Остаток рабочего дня прошёл вокруг неё: Рада принимала возврат ящиков, отвечала на звонок, делала обычную выпечку из другой муки; Нина съездила на двор и вернулась. Каждый раз, входя, первым делом смотрела на накрытую миску.

Тесто подошло. Рада разделила его на две небольшие заготовки, уложила в формы. На краю стола поставила бумажку с тем же обозначением, что на контейнере. Нина теперь не просила.

Пока хлеб пёкся, в комнату заглянул Артём. Остановился у двери, втянул носом воздух.

— Это наше?

— Проба, — сказала мать.

— Я не спрашиваю, можно ли есть. Я спрашиваю, это из нового?

— Да.

Он подошёл к окну, взял забытое зарядное устройство и вышел. Рада проводила его взглядом: ей не нравилось, что сын уже умеет отвечать так, чтобы она чувствовала себя

несправедливой.

Хлеб вынули ближе к вечеру. Рада поставила формы на подготовленное место, выждала, затем освободила буханки. Корка была ровная, тёмно-золотая, без трещины на боку. Одна буханка чуть наклонилась набок, и Рада поправила её щипцами, стараясь не смять бок.

Нина стояла рядом. Запах заполнил маленькую комнату, дошёл до двери, смешался с обычной мукой на фартуке. Ничего в нём не предупреждало. Рада вдруг подумала, что предупреждения вообще редко пахнут чем-то особенным: чаще приходится самой сказать человеку, что это последнее, а потом снова искать, где взять.

— Сразу не режь, — произнесла она, хотя Нина к хлебу не тянулась.

Они ждали. Рада убрала формы, вымыла руки, записала то, что хотела помнить о тесте. Нина сидела за столом и молчала.

Когда Рада наконец разрезала первую буханку, мякиш упруго подался под ножом. Она отделила тонкий ломоть, положила на блюдце. Срез получился тёплый и влажноватый, как у хлеба, которому не дали вполне остыть.

— По виду получилось, — сказала Рада.

Нина взяла блюдце. Долго рассматривала хлеб, затем отломила небольшой кусок.

Рада положила нож.

— Ты решила?

— Да.

— Потому что бумага хорошая?

Нина подняла глаза.

— Не только.

Раде стало неуютно. Она хотела услышать простое объяснение, которое можно будет повторить. Нина его не дала.

— Мы можем оставить, — сказала Рада. — Я не обижусь, что старалась.

Нина посмотрела на кусок в пальцах. Рада увидела, как дрогнул её большой палец; не от голода, от удерживаемого движения.

— Я понимаю, — сказала Нина.

И съела.

Она жевала медленно. Рада не спросила, вкусно ли: вопрос казался неприличным рядом с тем, как пристально они обе смотрели друг на друга. Нина проглотила, провела языком по зубам, где прилипла крошка.

— Как? — всё-таки спросила Рада.

— Хорошо.

Она сказала это почти удивлённо.

Рада взяла свой кусок. Ей не хотелось быть человеком, который сделал хлеб и дал другому рискнуть первым, хотя именно это уже случилось. Она откусила половину.

Вкус был насыщенный, чуть сладковатый, с горчинкой корки. Ничего похожего на пряность, которую забыли положить в рецептуру. Просто хлеб оказался полнее обычного

хлеба, будто то, что она годами пыталась удержать в замесе, на этот раз не потерялось по дороге к печи.

Рада прожевала. Живот не наполнился, но голод исчез сразу. Она не помнила, когда ела в последний раз; должно быть, давно, потому что плечи вдруг перестали тянуться вперёд, к работе, которую требовалось доделать до отдыха.

Нина положила оставшийся ломоть на блюдце. Тоже больше не ела.

Они сидели, слушая, как в соседнем помещении Артём переставляет ящики. Один ящик упал. Рада открыла рот, чтобы крикнуть, и не стала. Всё можно было поднять. Всё было успеваемо.

— Заверни мне половину, — попросила Нина.

Рада достала бумагу.

— Вторую буханку пока не трогаем, — добавила Нина. — И Артёму не давай. Я утром позвоню.

— Он не маленький.

— Я знаю.

Рада хотела возразить, но вспомнила, как сама убрала сына из помещения перед помолом. Завернула половину первой буханки, поставила вторую в отдельную коробку. Остаток первой оставила себе.

Нина подписала коробку. На этот раз не дрожащей, а уверенной рукой.

Когда она ушла, Рада собрала крошки со стола. Обычно смахивала их в ладонь, чтобы выбросить. Теперь каждую

прижимала пальцем и ела, не замечая, что делает.

Глава 5. До расчёта

Утром Нина первым делом проверила телефон. Ни Рада, ни кто-нибудь из хозяйства не звонили.

Она полежала ещё несколько минут, прислушиваясь к себе. Не болел живот, не кружилась голова, во рту не было странного привкуса. Проверка закончилась быстро и не принесла того облегчения, которое обещала: она понимала, что ищет ответ на слишком маленький вопрос.

На кухне лежала завёрнутая половина буханки. Нина раскрыла бумагу. Хлеб за ночь не стал ни мягче, ни суше. На срезе виднелся след ножа, рядом — небольшой выломанный кусочек. Она отрезала тонкий ломоть, положила на тарелку и только потом позвонила Раде.

Та ответила сразу.

— Живая, — сказала вместо приветствия.

Нина села.

— Я не поэтому только.

— А я поэтому. Всю ночь думала: сейчас позвонишь. Потом думаю, если сейчас позвонишь, я уже не хочу трубку брать.

— Плохо было?

— Нет. Хорошо было. Вот и слушала, когда станет плохо.

Они немного помолчали. Нина слышала, как у Рады работает вода.

— Остаток ела? — спросила она.

— Ела. Вчера ещё. Артёму не дала, как ты просила. Он решил, я обиделась из-за ящиков.

— Я сейчас тоже поем.

Рада выключила воду.

— Нина, ты мне потом не говори, что я тебя уговорила. Я правда могла оставить.

— Я знаю.

Нина посмотрела на ломоть. Снаружи шёл обычный городской шум: кто-то во дворе грел машину, женщина звала ребёнка, в соседней квартире уронили что-то тяжёлое. В этом шуме было трудно удерживать отдельное большое событие, которое произошло только с тобой и несколькими людьми за городом.

Она съела хлеб. На этот раз почти без ожидания.

В дороге Нина остановилась у магазина на окраине Юрьевца. Купила воду, молоко и батарейки для фонаря на зерновом дворе — там опять разрядились, а Ефим просил не забыть. На кассе женщина спросила, нужен ли пакет. Нина ответила, что нет, и действительно унесла всё в руках, ничего не выронив. Ей давно не доставляли такого удовольствия простые удавшиеся вещи.

* * *

Человека, который приехал покупать зерно, звали Глеб

Миронов. Рада знала его по нескольким прежним заказам: он собирал небольшие партии для пекарен и магазинов, не обещал большой цены, зато обычно рассчитывался тогда, когда говорил.

Глеб приехал без грузовика. Поставил легковую машину у конторы, вынул из багажника чистую обувь и переобулся, прежде чем идти на двор. У Нины от этого движения снова возникло воспоминание о Рудневе. Только один приезжал разбираться, а другой хотел увидеть, что можно увезти.

— Рада сказала, у вас интересная пшеница, — произнёс он.

Нина посмотрела на Раду. Та стояла рядом с Татьяной и что-то говорила ей, наклонив голову. Контейнера для новой пробы не принесла; сегодня у неё были документы и ключи от машины.

— Она сделала пробный помол, — ответила Нина. — И хлеб.

— Привезла. Вчера вечером.

Нина почувствовала, как лицо становится горячим.

Глеб это заметил.

— Я не ел. Она сказала, пока только посмотреть. Посмотрел. Корка хорошая.

Рада подняла голову. По её лицу Нина поняла, что она услышала.

— Вторая буханка? — спросила Нина.

— Да. В коробке. Я обратно привезла, не оставляла.

Она сказала спокойно, но плечи напряглись. Они уже расходились в понимании того, что означает «не трогаем». Нина имела в виду не выносить из пекарни; Рада — не есть. Вчера это казалось достаточно ясным, чтобы не уточнять.

Глеб открыл папку.

— Давайте сперва зерно. Потом бумагу. Потом цену, если дойдём.

В малом складе он осмотрел партию, попросил показать результаты проверки и обычные сведения об урожае. Не пытался попробовать сырое зерно. Взял отдельную пробу, запечатал при них, записал номер склада.

Ефим держался рядом и не мешал. Его молчание становилось почти торжественным.

— Вы сколько готовы отдать? — спросил Глеб.

Ефим назвал объём. Нина уточнила, что часть останется в хозяйстве и что грузить всю партию сразу они не будут. Глебу всё сразу тоже не требовалось: у него не было свободного места, покупатели брали постепенно. Он хотел получить пробу, сверить показатели и договориться о первом небольшом вывозе через несколько дней, а об остальном — позже.

— Тогда сейчас зачем деньги? — спросила Татьяна, когда вернулись в контору.

Ефим сердито посмотрел на неё.

Глеб улыбнулся.

— Затем, чтобы мне после моих расходов не сказали, что передумали или отдали тому, кто приехал раньше. А вам —

чтобы было чем эти несколько дней жить. Но я резервирую объём, не оплачиваю обещанное чудо.

Слово ударило Нину неожиданно. Она посмотрела на Раду. Та отвела глаза к столу.

— Какое чудо? — спросила Нина.

Глеб пожал плечами.

— Рада сказала: из плохого сезона получилось хорошее зерно. Я их за осень много слушаю, чудес. Потом в бумагах обычная пшеница.

Нина могла сейчас рассказать всё. Про утро, срезы, белый слой, Руднева, который не нашёл объяснения. Глеб взял бы папку, убрал свою пробу и, возможно, ушёл. Возможно, остался бы, потребовав других проверок. Она не знала. Знала только, что Ефим замолчал слишком глубоко, Татьяна перестала листать записи, а Рада сжала ключи так, что металлическое кольцо выступило между пальцами.

— У партии необычное происхождение, — сказала Нина.

Ефим посмотрел на неё.

— Смешивали? — спросил Глеб.

— Нет. Одно поле, отдельная уборка, отдельное хранение. В обычной массе не была.

— Это вижу. Что необычное?

Она опустила ладонь на протокол. Не закрыла текст — просто коснулась бумаги.

— Повторная уборка участка. Сроки получились нестандартные. Мы отдельно смотрим растения и почву.

Глеб некоторое время молчал. Потом спросил, будет ли это исследование мешать выдаче той части, о которой они договариваются. Нина ответила, что при новых основаниях партию остановят и его предупредят. Он кивнул, попросил прописать, как и с кем связываться, если он сам найдёт что-то не так.

На столе появилась обычная работа: сроки, количество, доставка, отказ от отгрузки, подтверждение оплаты. Татьяна задавала вопросы, которые вчера раздражали бы Ефима; сегодня он отвечал терпеливо.

Нина сидела с руками на коленях. Она не сказала «выросло за ночь». Заменить эти слова другими оказалось проще, чем произнести ложь. От этого сделанное не становилось меньше, но у него всё ещё не было короткого названия, которым можно было остановить разговор.

Когда договорились, Глеб спросил у Рады про мельницу. Она ответила, сколько может сделать без обещания лишнего. Он оставил ей отдельный небольшой заказ на помол той части, которую собирался забирать первой. Остальное зерно предполагалось вывозить как зерно. До отправки ещё нужно было согласовать даты.

Ефим проводил его к машине. Рада задержалась в коридоре.

— Ты сейчас на меня сердиться будешь? — спросила она Нину.

— Буду.

— За буханку?

Нина посмотрела на закрытую дверь кабинета. За ней Татьяна складывала бумаги.

— За неё тоже.

Рада подождала продолжения. Не дождалась.

— Я ему не говорила, что ты выросла за ночь. Я сказала, что есть хороший хлеб. Мне за этот хлеб надо отвечать, а не за твою землю.

— Ты знаешь, что с землёй что-то не так.

— Знаю. Ты сказала. А что именно, никто пока не знает. Нина, я не могу каждый день жить так, будто мы уже отравили весь город. Я вчера поела. Ты поела. У нас есть результат проверки. Если этого мало, скажи, чего мы ждём.

Нина хотела ответить: понимания. Вчера это слово казалось большим и необходимым, сегодня в нём не помещалось ни одного срока.

— Чтобы можно было объяснить, что продаём.

Рада кивнула.

— Тогда почему ты не объяснила ему?

Она не стала ждать ответа. Пошла во двор, и Нина осталась у двери одна.

* * *

Деньги пришли ближе к обеду. Татьяна проверила поступление и показала Ефиму экран.

Он не вскочил, не засмеялся. Сел на край стола, опустив руки между коленями, и долго смотрел в пол. Нина впервые увидела, как сильно он успел похудеть за лето: чистые рубашки скрывали это лучше рабочей одежды.

— Сначала людям, — сказал он.

Татьяна спросила, всем ли одинаковую часть. Он ответил, чтобы начала с тех, кому задержали дольше, затем посмотрел на Нину.

— Ты согласна?

Она кивнула.

Дальше начались звонки. Кто-то не брал, кто-то думал, что снова просят выйти в чужую смену. Вера, услышав про перевод, сказала, что сначала посмотрит. Через несколько минут пришла сама.

— Пришло, — произнесла она с порога.

Ефим поднял голову.

— Я же сказал.

— Ты много раз говорил.

Вера держала телефон двумя руками. Экран потемнел, она нажала сбоку, посмотрела снова. Не убирала, хотя всё уже видела.

— Я материалы попробую вернуть, — сказала она. — Заказ. Если ещё не отдали другим.

— Позвони, — ответила Нина.

— Сейчас и позвоню.

Она отошла в коридор. Нина слышала, как Вера вначале

извиняется, затем начинает спорить. Тот, с кем она разговаривала, требовал что-то сверх прежнего. Вера ответила, что доплатит за лишний привоз, но удвоенную цену за те же доски не примет. Голос её постепенно крепчал.

Татьяна делала переводы дальше. Семён пришёл спросить, можно ли забрать вечером часть заработанного наличными для отца. Ефим объяснил, как сделают; не отмахнулся, не предложил подождать ещё немного. Борис, который собирался ехать к очередному человеку с чужим холодильником, задержался на дворе и получил деньги за несколько неоплаченных рейсов.

В коридоре Вера наконец засмеялась — коротко, сердито, уже победив. Нине захотелось выйти, посмотреть на её лицо. Она не пошла: Татьяна назвала следующую фамилию, и Нина придвинула ей лист с реквизитами. Сегодня этот стол перестал быть местом, где людям говорили подождать.

Рада вернулась с коробкой. Второй пробной буханкой, целой, чуть примятой с одного бока. Поставила на стол и сняла крышку.

Нина посмотрела на неё.

— Я привезла назад, — сказала Рада. — Как обещала.

— Ты не обещала.

— Теперь привезла.

Вера вышла из коридора. Увидела хлеб.

— Вот из него?

Рада кивнула. Вера наклонилась, понюхала, не касаясь

корки.

— Хорошо пахнет.

Татьяна отложила телефон. Ефим смотрел на Нину, уже не пряча ожидания.

Она знала, что может закрыть коробку. Сказать, что личная проба двух взрослых женщин не даёт ей права решать за остальных. Всё ещё можно было произнести это спокойно и точно.

— Мы с Радой ели вчера, — сказала она. — Пока ничего плохого не заметили. Обычная проверка зерна — без причин для браковки по тому, что смотрели. Откуда взялось поле, мы не знаем.

— Я на нём стояла, — ответила Вера. — Ты мне последний раз рассказываешь?

Нина достала нож из ящика стола. Татьяна остановила её:

— Этот клей режет. Подожди.

Принесла из своей сумки маленький нож в чехле, которым резала яблоки. Вытерла, положила на чистую бумагу. Такое простое препятствие оказалось последним, что действительно задержало их.

Нина разрезала хлеб. Небольшие ломти легли на крышку коробки. Вера взяла первой, за ней Ефим. Татьяна отломила только край, сказала, что недавно ела. Борис появился, когда половина буханки уже была разобрана; Рада подвинула ему кусок.

Нина не стала есть снова. Смотрела, как люди жуют, и чув-

ствовала одновременно страх и удовольствие, которому стыдилась дать место. Это было её поле. Они брали из её рук то, чего теперь хватало.

— Ну вот, — сказал Ефим. — А мы всё считали, чем зиму закрыть.

Вера доела ломоть, собрала со своей ладони крошки.

— Я тебе говорила, кому спасибо скажу, — произнесла она Нине.

Нина улыбнулась.

* * *

Вечером она поехала с Верой выбирать, что привезут для крыши. Ефим предложил послать Бориса с грузовиком, но Вера сказала, что сначала нужно посмотреть: если опять дадут кривое, она сама с ним потом разбираться не будет.

Нина не была нужна для выбора материалов. Могла остаться в конторе или уехать домой. Поехала, потому что Вера попросила, а ещё потому, что хотела увидеть результат, который не помещался в лабораторный протокол.

На площадке лежали стопки досок. Мужчина в жилете показал нужную, предложил не выбирать слишком долго — вечереет. Вера велела ему подержать край и вытащила доску почти своей длины. Нина подхватила с другого конца.

Доска оказалась тяжёлой, занозистой. Вера провела ладонью вдоль кромки, остановилась у тёмного сучка.

— Эту назад.

— Да она нормальная, — сказал мужчина.

— Тебе на крышу клади.

Он недовольно вздохнул, но помог переложить. Следующую Вера приняла. Нина держала её, чувствуя, как через перчатку в ладонь упирается угол, и радовалась этой понятной тяжести.

Потом смотрели покрытие, договаривались о доставке, ещё раз пересчитывали. Вера спорила не ради удовольствия: ей приходилось выбирать то, с чем она потом останется одна под дождём. Нина не вмешивалась, только переносила, подхватывала и следила, чтобы бумага с новым расчётом не улетела под машину.

В обратной дороге Вера долго молчала. Держала на коленях пакет с крепежом, который решила взять сразу.

— Знаешь, что я утром сделала? — спросила она наконец.

— Что?

— Подставила таз на чердаке. Там пока сухо. Просто на осень поставила. Чтобы ночью не лазить, когда пойдёт.

Она повернула пакет, разгладила край.

— А теперь, может, уберу.

Нина смотрела на дорогу. Хотелось сказать, что обязательно уберёт. Она не сказала, но уверенность всё равно разлилась внутри, спокойная и тёплая.

У дома Вера попросила зайти на минуту. Дом стоял недалеко от хозяйства, за обычным забором с покосившейся ка-

литкой. Внутри пахло сушёным укропом и старой краской. На столе лежала скатерть, свёрнутая наполовину: Вера давно оставляла свободный край под счета, продукты и работу, которую нельзя было отнести в другое место.

Она достала с полки низкую стеклянную вазу.

— Возьми. Тебе на стол.

— Зачем?

— Стоит без дела. Мне сестра подарила, а у меня кот раньше скидывал. Кота уже нет, привычка прятать осталась.

Нина взяла вазу. Толстое стекло холодило пальцы.

— Я же за зарплату не отвечаю.

Вера посмотрела на неё с неожиданным раздражением.

— Нина, дай мне хоть что-нибудь отдать, когда я хочу. Не справку же прошу.

Нина обняла вазу обеими руками и больше не спорила.

* * *

Данила ждал её у бокса. Она приехала вернуть рабочую папку в контору; увидела открытые ворота и свет, остановилась.

Он сидел на низкой скамье, перед ним лежал разобранный стартер. На коленях стояла коробка с мелкими деталями. Нина поставила вазу на свободный край верстака и вернулась к машине за папкой. Когда вошла снова, Данила смотрел на стекло.

— Откуда? — спросил он.

— Вера дала.

— За что?

— Просто.

Он посмотрел на вазу, затем на неё. Нина выдержала взгляд.

— Деньги пришли? — спросила она.

— Пришли. Часть.

— Хорошо.

— Мне — да.

Она хотела спросить, почему он каждую хорошую новость превращает в продолжение их ссоры. Вместо этого села на край стула у двери.

Данила собирал узел. Не торопился из-за её присутствия, не предлагал уйти. Нина смотрела, как он выбирает нужную деталь из нескольких похожих, проверяет, ставит на место. Тишина была спокойнее разговора, к которому они оба готовились.

— Мы ели, — сказала она.

Он остановился.

— Я понял. Рада звонила.

— Зачем?

— Спросила, не приеду ли хлеб попробовать. Я сказал, что работаю.

Нина посмотрела на его руки.

— Ты можешь не пробовать.

— Знаю.

— Я не буду тебя уговаривать.

Он положил деталь на чистую тряпку.

— А остальных?

Нина почувствовала, как поднимается знакомое горячее раздражение. Здесь, возле открытого бокса, было легко осудить. Он получил заработанные деньги, мог уехать на другую работу, мог решить, что не станет есть. Ей приходилось отвечать на каждый вопрос, который приносили в контору.

— Я им всё сказала.

— Про то, что не знаешь, или про то, что уже можно?

— И то и другое.

Данила некоторое время молчал. Затем вернулся к детали.

— Вот между ними я пока застрял.

Нина поднялась. Взяла вазу с верстака.

— Ты мог мне просто порадоваться один вечер.

Он посмотрел на неё.

— Нина, я рад, что Вере крышу закроют. И что мне заплатили. Я не умею из этой радости сделать другое знание.

Она стояла с тяжёлым стеклом в руках. Хотелось поставить его обратно, остаться, сказать, что ей тоже страшно. Но тогда сегодняшний день кончился бы так же, как все прежние: перечнем того, чему ещё нельзя доверять.

Нина пожелала ему спокойной ночи и вышла с вазой в руках. Отнесла папку в контору и уехала.

Дома она поставила вазу на кухонный стол. Цветов не было. Положила внутрь сложенный магазинный чек, потом убрала: не для этого ей её дали.

Оставшийся хлеб всё ещё лежал в бумаге. Нина отрезала кусок, съела стоя. Затем открыла телефон и написала Татьяне, что разрешает выдачу зерна Раде для следующего помола. Попросила записывать отдельно каждую передачу, чтобы знать, где находится партия.

Сообщение ушло. Нина выключила свет, оставив пустую вазу на столе.

Глава 6. Имена на бумаге

Артём убрал из ролика слова «Вживую страшнее».

Вера произнесла их за его плечом, когда он снимал Нину у края поля. Голос получился тихий, почти без выражения. Если оставить его поверх красивого движения колосьев, выходило начало чего-то, чего Ефим не заказывал.

Ефим попросил короткую историю для покупателей: хозяйство после трудного сезона, новая партия, собственный хлеб. Обещал заплатить. Не очень много, но Артёму раньше за его ролики почти никогда не предлагали денег; говорили, что ему самому полезно попрактиковаться.

Он сохранил исходную запись отдельно. В рабочем варианте отрезал кусок с голосом, поставил вместо него общий план. Колосья качались, стебли теряли края на ярком свету. На экране всё выглядело спокойнее, чем в тот день возле ленты.

Мать заглянула через плечо.

— Вот это хорошо. Только не тяни начало.

— Я ещё не закончил.

— Я вижу. У тебя ничего не написано.

Она положила рядом листок с названием хозяйства и своей пекарни. Снизу было добавлено: «Агроном — Нина Чередова».

— Ефим дал?

— Да. Просил фамилию без ошибки.

— Я умею фамилии.

Рада посмотрела на него, потом отвернулась к столу. Сегодня у неё с утра было слишком много работы, чтобы ответить так, как хотелось. Привезли два мешка новой пшеницы. Она сама приняла их, сверила с бумажкой, поставила отдельно. Сейчас собиралась молоть, затем готовить следующую пробную выпечку для заказчиков и обычный вечерний хлеб.

— Так это уже продавать можно? — спросил Артём.

— Нина дала.

— Зерно дала или сказала, что можно продавать?

Мать обернулась.

— Сейчас позвоню и спрошу. Не строй из меня человека, который не понимает слов.

Она вышла с телефоном. Артём остался перед экраном и почувствовал привычную вину: он задал нормальный вопрос таким голосом, что мать услышала экзамен.

Через несколько минут Рада вернулась.

— Можно. Отдельно отмечать, сколько и кому, остальное как всегда. Довольный?

— Я просто спросил.

— Я просто ответила. Пойдём, поможешь поднять.

Он сохранил проект и пошёл за ней.

Мешок было неудобно брать вдвоём: каждый опасался, что другой отпустит слишком рано. Рада считала вслух, Ар-

тём ждал конца счёта, она начинала поднимать на «два» и сердилась, что он отстаёт. Наконец он попросил её держать снизу и сам поднял большую часть тяжести.

— Спину береги, — сказала мать.

— Тогда не вырывай у меня.

Они установили мешок, развязали. Артём посмотрел на зерно. Не золотое, как на кадре, а светлое, сухое, с мелкой пылью у складки ткани. Слишком обычное для того, сколько разговоров оно уже успело вызвать.

Пока Рада отмеряла, он снял крупный план её рук. Она попросила повторить, чтобы в кадр не попал край старого пакета. Артём повторил. Ему нравилась эта маленькая власть над видом вещей: отодвинул лишнее, подождал правильный свет — и работа стала выглядеть так, как человек о ней думал.

* * *

Нина встретила его у конторы с двумя листами. На одном была выписана выдача Раде, на другом — список того, что собирались получить со склада работники.

— Я на минуту, — сказала она. — Татьяна, сюда?

Татьяна взяла первый лист, провела пальцем по строкам.

— Здесь. И дату. Сообщение у меня есть, а на бумаге пусть тоже будет.

Нина подписала. Артём видел её руку поверх папки: ко-

роткие ногти, след от ручки на среднем пальце. Ему прежде не приходило в голову, сколько решений выглядит как одинаковое маленькое движение запястья.

— Второй пока не подписываю, — сказала Нина. — Пусть сначала точно напишут, что берут. Если кому нужна мука, не будем выдавать зерном, чтобы потом возили по чужим мельницам.

— Борис сказал, он сам всё развезёт.

— Борис всегда так говорит. Потом выясняется, что половина у него в кабине, половина уже у чьей-то тёти.

Татьяна улыбнулась.

— Так и скажу ему. Про тётю.

Нина посмотрела на Артёма.

— Поехали?

Он сел к ней в машину. Подставку положил между ног, телефон держал в руке. В салоне стоял слабый запах хлеба. На заднем сиденье лежала стеклянная ваза, обёрнутая полотенцем; Нина, заметив его взгляд, объяснила, что взяла для цветов в контору.

По дороге он спросил, что она хочет сказать в кадре.

— Что работаем. Что зерно хорошее. Что хлеб можно попробовать у Рады.

— А про ночь?

Нина не сразу ответила.

— Это ещё выясняют.

— Я понял. Но люди спросят.

— Те, кто здесь был, уже спрашивают.

— Я про других.

Она свернула к полю. Остановилась у верхней площадки, где стоял комбайн. Машина казалась ненужной после окончания уборки: слишком большая, слишком сложная для такого тихого места.

Нина выключила двигатель.

— Мне надоело всё время рассказывать только о том, чего у нас нет, — сказала она. — Нет денег, нет людей, нет ответа. Ты можешь снять то, что есть?

Артём посмотрел на поле. У нижних кустов ещё стояла полоса. Свет падал на неё сбоку, и в кадре можно было сделать вид, что пшеница тянется дальше, чем на самом деле.

— Могу, — ответил он.

Они пошли вдоль ленты. Нина показала место, откуда хорошо видны колосья и не видна разобранная обочина. Артём установил подставку, выровнял. Попросил её отойти чуть в сторону. Она шагнула слишком далеко.

— Нет, обратно. Полшага.

Нина вернулась. Улыбнулась не в объектив, а ему, как улыбаются человеку, который заставляет сделать что-то немного смешное.

Первый дубль не получился. Она начала говорить, ветер ударил в микрофон, поверх голоса прошёл сухой треск. Во втором Нина потеряла мысль. В третьем сказала хорошо, но в конце зачем-то спросила, нормально ли.

Артём выключил запись.

— Я могу отрезать конец. Всё есть.

— Дай посмотреть.

Она подошла к экрану. На записи Нина стояла рядом с пшеницей, усталая, в рабочей куртке, с прядью волос на щеке. Говорила: «Мы долго работали, чтобы здесь было хорошее зерно. Этот сезон оказался лучше, чем мы думали. Теперь хотим показать, какой из него получается хлеб».

Артём смотрел на её живое лицо, пока она смотрела на записанное.

— Вы ведь не знали, что оно получится, — сказал он.

— Что?

— Поле. Вы говорили, такое не бывает.

Нина ещё раз включила короткий отрывок. Выслушала себя до конца. Вернула телефон.

— Я восемь лет здесь работаю. До той ночи тоже. Это не перестало быть моей работой.

Артём кивнул. Спорить с ней было странно: он сам уже выбрал угол, из которого видно больше хлеба и меньше пустой земли. Хотел, чтобы ролик получился хорошим. Хотел получить деньги, а потом показать кому-нибудь, что ему уже платят за настоящую съёмку.

Он снял ещё несколько планов. Руки Нины на уровне колосьев, не касаясь их; тугой узел на ленте; ряд двойных срезов. Последний кадр она попросила оставить только в исходниках.

— Там без объяснения никто не поймёт.

Он сохранил и его.

Когда возвращались, Нина получила сообщение. Открыла, остановилась, стала читать. Артём видел только начало имени: Константин. Она ответила несколькими строками, приложила один из прежних снимков. Затем убрала телефон.

— Что-то выяснили?

— Не всё. Просит ещё фотографии границы.

— Снять?

Она посмотрела на него с благодарностью.

— Сними. Как есть, целиком.

Для этих кадров не понадобилось искать хороший угол.

* * *

Во дворе Артём остановился у бокса. Данила испытывал отремонтированный узел, потом отключил питание и стал убирать провода. Возле двери стояла коробка с новыми рабочими ботинками. Один ботинок он уже вынул, второй ещё лежал в бумаге.

— Снимаешь? — спросил Данила.

— Ролик про хозяйство. Вас тоже можно?

— Что именно?

— За работой.

— За этой можно. Только она соседская.

Артём поднял телефон. Данила показал, что перед включением нужно отойти, дождался, пока тот встанет сбоку, и снова запустил проверку. На записи звук получился лучше, чем речь на поле: ровный, плотный, с коротким окончанием.

Когда закончили, Артём спросил, что написать под кадром.

— «Стартер». Или ты фамилию хочешь?

— Фамилию я знаю. Механик хозяйства?

— Я на нескольких работаю. Напиши: ремонт. Если вообще нужно писать.

Артём опустил телефон.

— Вы не хотите быть в этом ролике?

Данила сложил провода.

— В ролике про сделанное руками — хочу. Про чудесный урожай мне сказать нечего.

— Но деньги вам заплатили.

Он произнёс это прежде, чем успел решить, стоит ли. Данила посмотрел на него. Артём приготовился к обычному взрослому ответу о том, что не его дело.

— Да, — сказал Данила. — И ботинки купил. Старые сегодня покажу, если думаешь, просто захотелось.

— Я не про ботинки.

— Я тоже. У меня нет красивого способа получить заработанное из другой кассы. Это не значит, что я всё одобрил. Но и деньги не чужие вдруг стали, когда мне удобно.

Он взял один ботинок, проверил шнуровку, поставил ря-

дом со старым. На старом у сгиба подошва разошлась так, что Артём увидел носок.

— Снимай, что снял, — сказал Данила. — Только не делай из меня человека, который обещал, что всё будет хорошо.

Артём кивнул и пошёл к конторе.

Возле малого склада Борис спорил с Татьяной. Держал несколько листков, прижимая к груди, будто она собиралась их отнять.

— Здесь все написаны, — говорил он.

— Здесь «Лена, два». Какая Лена? Два чего?

— Елена Прохорова. Муку ей. Она хлеб сама печёт.

— Тогда и напиши.

— Я знаю, кому везу.

— А я выдаю не твоей голове, а человеку. Мне нужно знать, сколько ушло.

Борис положил листки на перевёрнутый ящик и стал дописывать, тяжело склонившись. Татьяна ждала. Артём снял только их руки над бумагой, без текста. Для хорошего ролика это было полезно: сразу видно, что люди работают, а не позируют возле мешков.

Нина вышла из конторы с вазой. В ней стояли несколько веток с небольшими листьями, срезанных во дворе. Поставила на подоконник, немного повернула. В стекле отразилось поле света от окна.

Артём неожиданно понял, что никогда раньше не видел,

чтобы Нина украшала место, где работает.

* * *

К вечеру монтаж был готов. Артём убрал длинные остановки, оставил руки матери, зерно, движение машины, Нину возле колосьев. Кадр с Данилой поставил коротко, без подписи о чуде. Под ним написал только имя и слово «ремонт», как тот просил.

Ефим посмотрел первым. Сказал, что слишком мало видно название хозяйства. Артём увеличил надпись в начале, но не стал вставлять её на каждом кадре.

Мать спросила, почему хлеб снят с того бока, где наклонилась корка. Он показал другой кадр, она признала, что первый всё-таки лучше. Нина смотрела два раза. Во второй раз остановила на своей фамилии.

— Слишком крупно, — сказала она.

— Так Ефим просил.

Она задержала палец на экране. Затем отдала телефон.

— Оставь.

Артём получил деньги ещё до отправки готового файла. Ефим перевёл при нём, попросил проверить. На экране появилась сумма, и Артём поймал себя на желании немедленно сообщить кому-нибудь, что теперь съёмка — работа, а не занятие, которое взрослые терпят, пока он носит ящики.

Он отправил файл Ефиму и матери. Исходные записи ско-

пировал отдельно, вместе с теми, где Нина показывала срезы, Вера говорила, что страшно, а поле занимало ровно столько места, сколько занимало в действительности.

Рада позвала его в маленькую комнату. На столе лежал свежий хлеб из новой муки, рядом — масло и два ножа. Один для масла, другой длинный, с зубцами.

— Теперь можно? — спросил Артём.

— Теперь можно.

Он отрезал кусок. Корка хрустнула громко, мякиш оказался мягким, плотным. Намазал масло толстым слоем. Мать посмотрела на его руку, собиралась что-то сказать и промолчала.

Хлеб понравился ему сразу. Не настолько, чтобы произносить слова, которые требовала рекламная съёмка, но достаточно, чтобы отрезать ещё. Второй кусок он съел уже без масла.

Рада села напротив.

— Как?

— Нормально.

Она подняла брови.

— Хорошо, — поправился он. — Очень.

— Так и скажи.

— Я же ем.

Мать улыбнулась. Артём хотел взять третий кусок и понял, что не голоден. Убрал нож, достал телефон. В переписке уже появились первые реакции на ролик, который Ефим

разместил на странице хозяйства и отправил знакомым.

Нине писали, что видно хорошего специалиста. Раде — что надо приехать за хлебом. Кто-то спросил, продают ли муку отдельно. Один человек усомнился в том, что на поле действительно такая пшеница, и Артём почти ответил ему исходным кадром. Не ответил: под исходным кадром пришлось бы объяснять больше, чем хотелось в этот вечер.

Он открыл сообщение с переводом. Посмотрел ещё раз. Суммы хватало на часть давно выбранного оборудования; остальное можно было заработать следующей съёмкой.

— Завтра поедешь со мной на двор? — спросила мать. — Они вечером хотят посидеть, после работы. Хлеб отвезём.

— Опять снимать?

— Нет. Просто поедешь.

Артём согласился.

Ночью, прежде чем выключить компьютер, он увидел на рабочем столе два файла. В одном Нина показывала старые срезы рядом с новыми, уже зрелыми стеблями. В другом — говорила, что они долго работали ради хорошего зерна.

Он сохранил оба.

Глава 7. Тёплый хлеб

В пятницу столы вынесли во двор, потому что в конторе не хватало места.

Это решение сразу потребовало ещё четырёх: где взять стулья, чем закрыть столешницы, куда поставить горячую картошку и кто вернёт потом всё на место. Ефим, предложивший посидеть после работы, исчез разговаривать по телефону. Вера объявила, что она только приготовит, а переносить не будет. Через десять минут сама тащила за один край длинную скамью, сердясь на Семёна, который держал другой конец слишком высоко.

Нина приехала с пакетами яблок и огурцов. Увидев её, Борис подбежал помочь и сразу уронил один огурец. Наклонился, поднял, вытер о рубашку.

— Этот мой, — сказал он.

— Сначала помойте.

— Да помою. Я же его не усыновил.

Рядом засмеялась незнакомая Нине со спины женщина. Повернулась — оказалась Наталья Дёмина, которая чинила людям одежду и несколько раз спасала Верин рабочий комбинезон, прежде чем Вера решалась купить новый. На ней было светлое платье с карманами, в одном кармане лежали нитки и маленькие ножницы.

— Меня Вера позвала скатерть подшить, — сказала Ната-

лья. — Я думаю, ну сейчас опять на весь вечер. А тут кормят.

— Тут ещё надо нарезать, — предупредила Вера, проходя мимо.

— Я так и знала.

Наталья забрала у Нины яблоки. Они вместе поставили пакеты на стол, отодвинули кружки, которые кто-то уже успел разложить без всякой системы. На одной столешнице была свежая царапина. Татьяна прикрыла её сложенной салфеткой и заявила, что утром всё равно узнает, кто тащил стол по бетону.

Нина смеялась вместе с другими. День был тёплый для середины сентября; в тени уже хотелось застегнуть куртку, но на свету было хорошо. Из-за открытых ворот виднелись дорога, кусты и кусок пустого поля за дальними постройками. Шестое отсюда не просматривалось.

Рада привезла хлеб ещё тёплым. Артём нёс ящики осторожно, не позволяя матери придерживать их с другой стороны. Поставил на подготовленное место, выпрямился.

— Всё. Теперь я просто человек.

— Значит, вымой руки и помоги резать, — ответила Рада.

Он посмотрел на Нину. Та не смогла сдержать улыбку.

Из бокса вышел Данила. Нина увидела новые ботинки и неожиданно обрадовалась, словно он надел их специально для этого вечера. Он подошёл, поздоровался с Натальей, взял у Семёна тяжёлую кастрюлю. Поставил на две доски, заранее уложенные на столе.

Вера сняла крышку. Пар поднялся ей в лицо, она отступила, махнула рукой. Запах картошки, укропа и масла растёкся по двору. Нина вдруг поняла, что голодна. Не просто пора поесть — тело требовало еды так настойчиво, будто весь день она провела на холоде.

Она взяла с края стола огурец, откусила. Сок оказался прохладным, солоноватым от пальцев. Нина прожевала и потянулась за следующим куском, ещё не проглотив первый.

Рада наблюдала за ней.

— Подожди, сядем все. Куда ты спешишь?

Нина положила огурец на свою тарелку. Удивилась тому, что её остановили именно за едой.

* * *

Пока остальные рассаживались, Татьяна отвела Нину в сторону. В руках у неё были вчерашний список и новый, переписанный разборчиво.

— Работникам — вот. Ещё несколько человек через Бориса. Я их отдельно вынесла.

Нина прочла. Фамилии, телефоны, количество. У части стояла мука, у части — хлеб, который Рада могла испечь к утру. Зерно для самостоятельного помола в этот список не вошло: Нина ещё вчера попросила не разносить его по чужим мельницам.

— Прохорова где живёт? — спросила она.

Татьяна показала запись. Обычный адрес в Юрьевце. Рядом Борис приписал, что женщина сама подойдёт к машине, поднимать на этаж не надо.

— Это он для себя, — пояснила Татьяна.

Нина посмотрела на подпись под списком. Место оставили пустым, без напечатанной должности. Нужно было только согласиться, чтобы люди получили то, что уже попросили.

Она подписала.

— Всё через запись, — сказала. — Если кто-то передумает брать, отмечайте. Если отдаст другому, пусть сообщит.

Татьяна посмотрела на неё поверх листа.

— Кто сообщит, тот сообщит. Я их дома проверять не смогу.

— Я не прошу проверять дома.

— Знаю. Просто сейчас скажу, пока мы не решили, что бумага за всех помнит.

Она сложила листы и унесла в контору.

Нина осталась у стены, с ручкой в руке. Со стола её позвали. Вера уже положила картошку в тарелку, рядом оставила кусок хлеба, чтобы место не заняли. Нина убрала ручку в карман и подошла.

Ефим встал только после того, как все начали есть. Поднял стакан с водой, посмотрел на людей. Его будто смущало, что теперь, когда они собрались, нужно сказать что-то кроме нового обещания.

— Мы этот сезон тяжело прошли, — начал он.

— Ещё не прошли, — сказала Татьяна.

— Я знаю. Но хоть кусок прошли. Дайте договорить.

Она улыбнулась и откинулась на спинку стула.

Ефим назвал тех, кто оставался допоздна, чинил, возил, работал без уверенности в расчёте. Говорил неловко, перескакивая с фамилии на имя. Бориса забыл, Борис громко напомнил о себе, все засмеялись. Ефим тоже засмеялся, и речь стала легче.

— А Нине отдельно, — сказал он. — Она тут столько лет выдержала, сколько иной человек железом бы не выдержал. И вот, наконец, у нас получилось. Нин, за тебя.

Нина почувствовала, как на неё повернулись. Рада подняла стакан. Вера кивнула через стол так серьёзно, словно они продолжали недавний разговор в её доме. Наталья сказала, что в ролике Нина очень хорошо вышла, совсем не как на фотографии для документов.

Нина засмеялась. Попросила не сравнивать с той фотографией. Потом подняла свой стакан и сказала спасибо.

Этого оказалось достаточно, чтобы все вернулись к еде. Никто не потребовал перечислить, какую именно часть хорошего урожая она создала собственными руками.

Данила сидел через два места. Он не отворачивался, не смотрел укоризненно. Ел картошку, разговаривал с Семёном о работе на следующей неделе. Хлеб у его тарелки оставался целым. Нина перестала следить за ним и наконец взяла вилку.

Картошка была вкусная. Вера положила много масла, в укропе попадались тонкие стебли, которые приходилось отодвигать на край. Нина доела порцию, но голод не уменьшился. Взяла огурец, яблоко, отломила небольшой кусок хлеба.

Стоило проглотить первый кусок хлеба, как тело расслабилось.

Она застыла с рукой над тарелкой. Доела кусок медленнее, пытаясь понять, что именно изменилось. В желудке не прибавилось столько еды, чтобы объяснить это движение от неудобства к покою. Просто желание хватать следующее пропало.

— Картошки ещё? — спросила Вера.

Нина покачала головой.

— Вот. А я думала, опять мало сварила.

Вера повернулась к соседу. Нина положила вилку. Посмотрела на хлебные крошки возле тарелки.

Она с утра ела торопливо, весь день пила кофе. Можно было объяснить этим. Можно было объяснить удовольствием, наконец нормальной общей едой. Ни одно объяснение не требовало немедленно вставать и пугать людей за столом.

Нина взяла стакан воды и осталась сидеть.

* * *

После еды Наталья принесла откуда-то маленькую колонку. Музыка сначала заиграла слишком громко. Артём уба-

вил, нашёл другое место, где не дребезжал стол. Вера сказала, что эту песню терпеть не может, а через минуту подпевала.

Ефим пригласил её пройтись по двору. Вера назвала это танцами для людей, которые забыли, куда шли, но встала. Они двигались медленно, на ровном пятачке возле конторы, стараясь не задеть ногой растянутый провод. Наталья подхватила Раду. Две женщины смеялись, показывая друг другу, как надо поворачивать, и тут же сбивались. Потом Семён сменил Наталью, неловко взял Раду за руки. Нина смотрела на них с благодарностью за то, что вечер не требовал от неё быть главным человеком каждую минуту.

Данила подошёл, поставил на стол пустую тарелку.

— Пойдём?

Она подняла глаза.

— Куда?

Он кивнул на свободный участок двора.

— Я другого сейчас не предлагаю.

Нина встала.

Он держал её за руку осторожно. Она помнила совсем другое прикосновение — зимой, когда они несколько недель жили вместе у него и он, проходя мимо, всегда касался её плеча. Потом она стала всё чаще оставаться в своей квартире: ближе к дороге, легче вставать рано, не нужно будить его звонками. Ничего громко не закончилось. Они просто перестали спрашивать, кто куда едет вечером.

Сейчас Данила положил ладонь ей на спину поверх куртки. Нина сначала двигалась слишком напряжённо, словно боялась ошибиться перед ним. Потом услышала, как он тихо считает ей шаги, нарочно путая, и рассмеялась.

— Не помогай.

— Я мешаю. Разница есть.

Она наступила ему на новый ботинок. Остановилась, испугавшись, что испортила. Он прижал её руку чуть крепче и повёл дальше.

— Для этого купил, — сказал он. — Ходить по земле.

Нина опустила голову ему на плечо на несколько секунд. Не для того, чтобы что-то решить. Пахло чистой тканью, железом и мылом, которым он отмывал руки. На миг удалось забыть, что любой разговор между ними теперь заканчивается неизвестным зерном.

Когда музыка сменилась, она сама отпустила его. Данила не удерживал. Они вернулись к столу, сели рядом. Он спросил про Верину крышу; Нина рассказала о досках, о том, как Вера выбирала каждую, о вазе.

— Вазу видел, — сказал он.

— Теперь в конторе. С ветками.

— Так ей лучше.

Нина улыбнулась и впервые за весь вечер не стала искать второе значение в его словах.

* * *

Убирать начали до темноты. Рада складывала оставшийся хлеб в отдельный ящик. Нина попросила не отдавать куски, которые уже лежали на чужих тарелках; целые буханки, испечённые для выдачи, стояли в машине.

Борис принёс список Татьяны. Она сверила с ним пакеты, что-то исправила, поставила рядом с двумя фамилиями отметки: получат завтра мукой, сегодня хлеб не берут. Наталья попросила вычеркнуть её пакет из завтрашнего привоза — сама заберёт у Рады после работы.

— Я всё равно рядом буду, — сказала она. — Брюки отнести.

Рада кивнула и записала себе в телефон. Артём подавал пакеты, Борис складывал в чистый ящик в кузове. На каждом была маленькая бумажка с именем.

Нина помогала Татьяне переносить стол. Руки после танца и еды стали тяжёлыми, не хотелось нагибаться. Она сказала себе, что просто устала. На повороте столешница задела косяк, Татьяна выругалась.

— Это уже не я утром, — сказала Нина.

— Всё равно запишу на тебя. Ты крупнее в ролике.

Они рассмеялись и переставили стол правильно.

Когда Нина вышла, Борис уже закрывал борт.

— Сейчас всё повезёте?

— Несколько по дороге. Остальное утром. Здесь Петру Сомову, который нам двери ставил. Здесь Лене Прохоровой, она ждёт. Это мне самому.

Он показал маленький пакет в кабине. Нина увидела за сиденьем другую, пустую хозяйственную сумку.

— Если кому-то ещё захотите дать, сначала скажите Татьяне.

— Да скажу. Ты так смотришь, будто я воровать повёз.

— Я хочу знать, где это окажется.

Борис смягчился.

— Будешь знать. Я тебе завтра всё расскажу.

Он взял со стола забытый огурец, уже вымытый и лежавший на отдельной салфетке, положил в свой пакет. Нина вспомнила его недавнюю шутку и улыбнулась.

Ефим закрыл контору. Данила погасил свет в боксе, уехал раньше других: обещал утром закончить работу у заказчика. Рада увезла Артёма и пустые ящики. Веру Борис высадит по дороге домой. Через несколько минут во дворе остались только Нина и Семён.

— Вас ждать? — спросил он.

— Не надо. Я проверю склад и поеду.

— Он закрыт. Я смотрел.

— Я тоже посмотрю.

Семён кивнул и ушёл к дороге. Нина проверила замок. Дверь подсобки тоже была заперта. Ваза на окне темнела, ветки сливались с отражением двора.

Всё находилось на месте. От этого никак не удавалось закончить день.

* * *

До поворота на шестое Нина доехала медленно. Она могла бы прямо сказать себе, что хочет посмотреть поле после отъезда всех остальных. Вместо этого вспомнила, что Руднев просил новые фотографии границы. При дневном свете она уже отправила их, но можно проверить, не сдвинулась ли лента.

Она повернула.

На дороге было тихо. Фары выхватили жёлтый штырь, кусок поддона, стойку с лентой. Нина остановилась, выключила двигатель. Некоторое время сидела, не открывая дверцу.

В руках чувствовалась неприятная теснота. Кожа будто стала меньше, чем нужно пальцам. Она сжала кулаки, разжала; легче не стало. Сняла часы, положила на соседнее сиденье. Ремешок оставил красную полосу, но дело было не в нём.

Нина вышла.

После двора воздух казался холодным и очень чистым. Она прошла к ленте. Обычный запах земли был слабый, почти пропадал под запахом сухой соломы, а всё-таки хотелось вдохнуть его глубже. Нина присела возле края, где брали первые пробы.

Перчатки остались в багажнике. Она посмотрела на машину, потом на тёмную землю. Не собиралась брать образец или копать. Просто отвела пальцами две короткие соломинки, чтобы увидеть край ямки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.